

18+

Сергей Павлов

*Времена года
следователя
Семенова*

*Тайное станет
явным*

Сергей Павлов

**Времена года следователя
Семенова. Тайное станет явным**

«Издательские решения»

Павлов С.

Времена года следователя Семенова. Тайное станет явным /
С. Павлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-646469-8

Почему люди убивают друг друга? Следователь из Петербурга Семенов
постоянно ищет ответ на этот вопрос и каждый раз находит новый ответ

ISBN 978-5-00-646469-8

© Павлов С.
© Издательские решения

Содержание

Сергей Павлов	6
Часть первая	7
Зима	7
Часть вторая	34
Весна	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Времена года следователя Семенова Тайное станет явным

Сергей Павлов

© Сергей Павлов, 2025

ISBN 978-5-0064-6469-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сергей Павлов
ВРЕМЕНА ГОДА СЛЕДОВАТЕЛЯ СЕМЕНОВА

Часть первая

Зима КЛАССИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ

Он еще раз все обдумал: не беда, что записки нет, все и так поймут, что это самоубийство. Он прислушался к дыханию – спокойное, ровное, как будто, нет никакого ожидания смерти. Отступить? Нет, нельзя, все надо решить сейчас, откладывать уже нельзя, слишком все серьезно. Он вынул пистолет из кобуры, решительно взвел его, направил ствол в висок и нажал на спуск.

Звук выстрела потонул в шуме турбин, котлов и насосов, вое ветра, тихо звякнула о стекло гильза. Все было кончено.

На проходной ТЭЦ их встречали трое – начальник караула, начальник команды ВОХР и заместитель по безопасности. Пропуска были уже готовы. Въехавшая на ТЭЦ машина подобрала их внутри и по свежерасчищенной, но уже заносимой снегом дороге они быстро домчали до далекой сторожки. Первое, что увидел Семенов, открыв дверь, – человека, стоящего внутри. Вероятность сохранности следов резко упала.

– Вы ничего тут не трогали? – как мог грозно спросил он, и начальник команды, высокий человек в штатском, вопросительно посмотрел на начальника караула, пожилую полную женщину среднего роста, хотя, может, ее полнил форменный синий бушлат, перепоясанный армейским ремнем.

– Нет, – отозвалась женщина, – он в следующей комнате застрелился.

Семенов припомнил дорогу:

– А снег давно расчищали?

– Это трактор проходил, он в полседьмого прошел, это важно? Он ведь сам застрелился.

Оставалось только принять это: снегопад валил всю ночь, но хоть какие-то следы, если кто-то ходил, могли да остаться, но теперь и их подмели.

– Пройдем к погибшему. Вы пока что останьтесь здесь.

Открыли вторую дверь, оттуда повеяло холодком, даже холодом. Семенов и Илонов вошли в небольшую хорошо освещенную комнату; Семенов, пропустив вперед эксперта и фотографа, осмотрелся. Слева от двери прямо у стенки стояла кровать, справа было окно, перед которым были стол и стул. Второе окно, приоткрытое, располагалось напротив двери. Ремень с дубинкой, наручниками и пустой кобурой лежал на стуле, на спинке стула висел бушлат, пистолет валялся на полу чуть в стороне от упавшей с кровати руки мертвеца.

Погибший в мундире и кожаных перчатках лежал на кровати, на спине, головой к двери. Эксперт занялся им, Илонов начал составлять протокол, а у Семенова сразу появился новый вопрос:

– Тело кто обнаружил?

– Артеменко. Он сейчас здесь, охранял тут. Начальница караула указала рукой на дверь.

Семенов опять подумал о том, насколько здесь все уже затоптали и еще затопчут.

– Кто еще здесь был?
– Практически все за день и еще предыдущие караулы.
– Сколько человек в целом? – она на секунду задумалась.
– Сорок. Четыре караула за четыре дня, – И тут же поправилась, -и еще совместители с других команд. Так что, сорок это должно быть, а так с внутренним совмещением где-то тридцать- тридцать пять. Но зачем вам это? Ясно же, что это самоубийство.

– Простите, как вас по имени-отчеству?
– Степанова Татьяна Петровна.
– Татьяна Петровна, пока у нас просто огнестрел. У вас раньше подобное случалось?

– Господи! – она замахала руками, -Нет, конечно!
Немедленно включился начальник команды:
– На другой станции недавно было, по всем командам объявили.
– Понятно, – сказал Семенов, хотя пока было ничего не понятно, – Кто его живым последним видел?

– Я, – быстро проговорила начкар, -я его на этот пост отправила.
– А почему отправили? Он должен был сюда идти?
Тут она немного занервничала, посмотрела на начальника команды, но все же сказала:

– Соломенко, ну, убитый, он иногда выпить любил и перехватил, на прошлом посту, в термосе, видно, пронес. Надо было, чтобы он отоспался перед выходом, а то его бы алкорамка не выпустила. Здесь он шесть часов мог поспать, с полуночи до шести. Я его поменяла с другим и сюда направила.

Начальник команды тут же воскликнул:
– Татьяна Петровна! Ну как так! Вы же должны были мне сказать сразу! Его же вообще нельзя было допускать пьяного! Вы же ему еще и оружие дали!

– Артем Игнатьевич, – вскрикнула она в ответ, трагично всплеснув руками, -ну, он трезвый пришел! Мне уже Манукян при обходе сказала, что он выпил!

Это было уже слишком. Много нового, необычного, все надо было понять и записать, а сейчас начинался простой скандал и Семенов решительно остановил это:

– Подождите, подождите пока об этом, все по порядку. Татьяна Петровна... давайте сейчас где-то соберемся и всех постепенно соберем. Там все обговорим. Где это можно сделать и когда?

Ответил начальник команды:
– В раздевалке или столовой соберем людей, а в моем кабинете допросите. Только всех собрать можно через часа два, все же на постах, а в девять смена караула...

– А Шамушев тот уже на свою станцию уехал, – включилась в разговор начальника команды.

– Шамушев, это кто? – тут же спросил Семенов, -Почему он ушел?
– Это с другой станции стрелок, они его нам на день дали, а сегодня он должен у них снова дежурить, он в шесть ушел и в девять там будет.

– А где он был с полуночи?
– С полуночи до трех спал, а восьми до полуночи и с трех до шести на видеонаблюдении.

– Хорошо, с ним понятно. Саша, – позвал он Илонова. —остаешься здесь; составь протокол, помоги эксперту. —Надо было завершить с начкаром: -Так,

Татьяна Петровна, давайте сейчас поговорим с вами и Артеменко, потом задержите других, чтобы тоже не убежали. Вы мне объясните, как тут у вас все устроено и посмотрим видео за все время дежурства погибшего на посту.

– А как же ворота? Воскликнула Татьяна Петровна, – Нам же надо машины пропускать!

Немного помолчали, но потом начкоманды нашел решение:

– Будете из предбанника принимать. Журнал вынесите.

Они вышли на улицу. Снег все также валил крупными хлопьями, заваливая расчищенную дорогу. Семенов вздохнул, – на улице было морозно, -и вместе с начкаром, начкоманды и заместителем по безопасности пошел к проходной.

Надо было с чего-то начинать. Начкар была последней, кто видела погибшего, и первой Семенов вызвал ее.

– Татьяна Петровна, поймите, у нас сейчас есть просто человек с пулей в голове и пистолет. Мы проводим следствие по этому поводу. Пистолет, разумеется, придется на некоторое время изъять.

– Но зачем? Все ведь понятно.

– Вот чтобы было окончательно понятно.

– Н-ну, ладно, но по поводу пистолета, это к Артему Игнатьевичу.

– Хорошо, этот вопрос мы как-нибудь решим, а сейчас давайте поговорим о погибшем. Вот вы что о нем скажете? Давайте хотя бы полное имя его.

– Соломенко Андрей Юрьевич. Его дело в конторе есть. Он здешний, живет тоже рядом... Жил.

– «В конторе» – это где?

– Ну, в главном отделе охраны. – Семенов отметил это в блокноте.

– А вот скажите, в последнее время он выглядел подавленным? – Начальница караула пожала плечами, нахмурившись:

– Он, по-моему, вообще никогда подавленным не был; всегда, если не веселый, то немного злой или чуть пьяный.

– А какая-нибудь могла быть у него причина для самоубийства?

Она задумалась.

– Н-ну, не знаю... Хотя, -она встрепенулась, -его же премии лишили!

Семенов отметил в блокноте и это.

– Ну, вот уже что-то. А с семьей у него как, нормально?

– Да, вроде нормально, хотя он мало говорил об этом, живет, вроде с кем-то.

– А премии его лишили за что?

– Директора на проходной не узнал, потребовал предъявить вещи для осмотра и поругался с ним. А в это время проверка была, и вышел проход по чужому пропуску, пока он ругался. Все отвлеклись. – Татьяна Петровна рассмеялась, -Он же раньше в полиции работал и начал на него по привычке наезжать. Его и из полиции тоже за это выгнали, больно крутой был. Он рассказывать про это любил очень.

– Про что? Как его выгнали?

– Да нет, про службу свою, даже книгу, вроде, какую-то писал. —она опять погрустнела, видно, вспомнив, что теперь уже никто не допишет эти мемуары, и продолжила, -А вообще, смеялись над ним постоянно, за спиной, правда.

– А почему?

– С ним вечно что-то случалось. Он опаздывал постоянно, хотя жил ближе всех, форму носил по-дурацки – ремень висит, пистолет и дубинка спереди болтаются, сзади рубашка торчит, как-то дубинку сломал, кнопку тревожную домой унес, патрон

на посту потерял, за неделю два чайника сжег, выпивал еще... Вот и сейчас на посту что-то принял. Так что, смешно это все было, когда не грустно.

Семенову пришло в голову, что стрелялись и из-за меньшего, но он придержал свое мнение при себе. Ясно стало, что погибший – недотепа и неудачник. Может, он, наконец, осознал это.

– Вот что, Татьяна Петровна, давайте разберемся с вопросами вашей службы. Надо понять, что и как у вас происходило. Давайте-ка график уточним. Нам также понадобятся списки охраны, списки сотрудников станции на сегодня и видеозаписи до обнаружения тела.

– Хорошо, только это надо согласовать, это же не так просто.

– Надо, значит согласуем. – Семенова начала раздражать эта секретность. Давайте, сперва график. Кто сегодня дежурил, когда пришел, когда началось дежурство и как проходило? Давайте запишем, помогите разобраться.

Он достал лист бумаги и приготовился записывать, начкар положила перед ним полоску бумаги с цифрами.

– Вот, это – график караула. Сверху – часы в сутках, сбоку номера постов. Приходят в 8.00, иногда опаздывают, развод караула и инструктаж в 8.30, заступают в 9.00, а потом они меняются согласно графику.

Семенов почти переписал график на лист, но вовремя одумался:

– А ведь из-за Соломенко график изменился.

– Да. Это по журналам посмотреть можно. Он был на шестом посту, должен был пойти на второй пост, а потом, через два часа, на четвертый на час и потом вернуться сюда. Манукян была на обходе и зашла к нему, там туалет есть. Она и сообщила мне, что он уже выпил. Я к нему пришла, проверила и направила его туда, на вторую проходную, там сейчас только машины пропускают.

– Ага, чтобы он проспался. – Журналы надо было скопировать.

– Да... Вообще, на постах спать нельзя, конечно, но...

– Понятно, понятно. А вот вы обходы упомянули, они как проводятся?

– С 18.00 каждый час, на второй проходной журнал лежит, там тоже расписываться надо. У нас станция большая. Но сегодня я отменила обходы, Манукян упала два раза.

– А почему все же отменили?

– У нас персонал все старики – лет за пятьдесят всем, а кому и за семьдесят. Народу не хватает, и, если кто-то на больничный уходит, то это прямо катастрофа. – Она осеклась, видно снова вспомнив, что один из них ушел не на больничный, а в мир иной, и уже грустней продолжила, -он же сам только с больничного вернулся, а Сарновский в отпуск ушел и пришлось с другой станции человека брать.

– Давайте теперь об этом человеке. Кто он, с какой ТЭЦ?

Она посмотрела в блокноте:

– Шамушев Сергей Васильевич. С 29-й

– Хорошо. Вы его почему отпустили?

– Ясно было, что он тут ни при чем, да и на своей станции ему надо быть обязательно.

– Он у вас часто был?

– Только второй раз. У нас постоянно то наши к кому-нибудь ездят подменять, то их люди к нам. Людей нигде не хватает.

– Хорошо, а он насколько был пьян? Вам не показалось, что лучше было бы забрать у него пистолет тогда?

Она задумалась, но сказала:

– Он не выглядел таким уж пьяным, просто он не прошел бы алкорамку на проходной, а четвертый пост – видеонаблюдение, там обязательно надо проходить алкорамку. Вот и пришлось Шамушева вместо него на видеонаблюдение посадить.

– С трех.

– Пришлось в два будить. Он потом постоянно носом клевал.

Да. Вредная привычка погибшего смешала весь график.

– То есть, он, возможно, ничего не видел?

– Так в такой снегопад и не увидишь ничего.

Дельное замечание. Надо бы проверить на практике.

– А вы сами не видели ничего?

– Я Шамушева посадила, и спать пошла на три часа.

– Ну что же, с этим ясно. А как вы думаете, это мог быть несчастный случай? Соломенко вообще как с оружием обращался?

– Н-ну, он патрон как-то потерял...

– Вы рассказывали, а как это случилось?

– Он тренировался, чтобы повторно сдать экзамен. Разряжал и снаряжал магазин. Потом патрон нашелся, но пистолет ему месяц не давали и экзамен перенесли.

– А вообще, он с оружием не игрался, затвор зря не дергал?

– Вроде нет, у нас были случаи, но не с ним.

– Ясно. – У него вдруг зазвонил телефон. —Минуточку.

Звонил Илонов.

– Дима, мы чего-то гильзу никак найти не можем.

– А запинать ее никуда не могли?

– Да мы тут все обшарили.

– Тогда ищи там, где не искали. Погоди, – он вдруг вспомнил, -там ведь окно было открыто?

– Оно и сейчас открыто. Дубак страшный.

– Попробуй за ним поискать.

– Когда? Весной? У нас пуля есть.

– Надо найти. Там, вроде, металлоискатель валялся на подоконнике. Действуй.

Да, погоди, там термос есть?

– Есть.

– Отпечатки сняли?

– Нет еще.

– Пусть снимут и посмотрите, что там в нем. Потом на анализ. – Семенов отключился и вновь обратился к начкару.

– Давайте продолжим. А раньше он где работал?

– В полиции, я же говорила.

Да, действительно. Чего это он забыл? Видно, ранний подъем сказался.

– А где?

– Он говорил, что в отделении каком-то.

– Так, хорошо. А кто, значит, его нашел?

– Артеменко, он после обеда пошел на замену.

– С ним можно поговорить?

– Н-ну, если из резерва послать кого...

– Если не трудно.

Она куда-то вышла, и минут через пятнадцать-двадцать в кабинет постучал, а потом и вошел, принес с собой мороз, усатый мужчина, которого Семенов видел в предбаннике будки поста. Он сразу важно сел на стул, представился:

– Артеменко Сергей Иванович.

– Семенов Дмитрий. Следователь. Расскажите, пожалуйста, как вы пришли на пост.

– Ну, поел, вышел за десять минут, метель ведь. Дорогу еще и не расчистили, прямо по снегу шел на огонек. Чуток не заблудился. Пришел, хорошо не заперто было. Открыл, а там, в предбаннике тепло, а в комнате уже холод. Я открыл, а там он на кровати лежит. Я к нему, а он там лежит холодный и пистолет на полу.

– Ничего не трогали?

– Нет.

– Кого-нибудь видели по дороге? – дежурный вопрос.

– Нет, кто в такую ночь гуляет? – и в самом деле.

– А сами что вообще про погибшего можете сказать?

Артеменко пожал плечами.

– Что сказать? Трепло он был порядочное. Ну, поработал он в полиции, ну и что? Так он постоянно про это рассказывал, еще про память свою великую. А с директором вон как облажался. Год с лишним работает и не узнал. И жил ближе всех и постоянно на развод опаздывал.

– Как вы думаете, он мог из-за этого застрелиться?

– Он? Да никогда! С похмелюги разве, когда голову ломит.

– А вот его премии лишили.

– А что, в первый раз что ли? Так у него и пенсия есть. Ипотеку он, вроде, не брал, кредиты тоже. Пережил бы. —Петренко махнул рукой, -Ой, чего я про него так, он же умер.

– Ничего, Сергей Иванович, нам сейчас важно все знать. —подбодрил его Семенов, -А вот на семейном фронте у него что было?

– Да что было, то и было, он как-то не распространялся.

– Но вот он не показался вам каким-то подавленным, грустным?

– Нет, -Артеменко призадумался, – он, как всегда, опоздал, все уже привыкли, а ему как с гуся вода. Так он и дежурил. Сначала со мной три часа на проходной, потом я на первый обед ушел. Он людей проверял, я на мониторе. Ничего особенного.

Семенов подумал, что надо посмотреть телефон погибшего, может, ему позвонил кто, и сообщил нечто такое, отчего и жить не захотелось?

– Ясно, спасибо. Ну, потом вас опять могут вызвать.

– Да зачем? Ясно же, что он сам застрелился.

– Ну, вот и вы не знаете, из-за чего он мог бы застрелиться.

– Да, -Артеменко хмыкнул, потер подбородок, -действительно, неясно.

– Ну, спасибо вам.

Тем временем наступало утро, и подошел еще один охранник.

– Бархатов, Константин Евсеевич, -представился Семенову рыхловатый полысевший человек лет около шестидесяти. Голос его был густой и даже приятный, - Теперь Бархатов.

Семенов не преминул спросить:

– А раньше кем были?

– Вам расскажу, потому что вы еще не знаете. Лучше от меня узнаете, чем потом. Пархатов я раньше был. Артист. Отец говорил мне: «Гордись своей фамилией, сынок! У других евреев фамилия такая, что в приличном обществе сказать нельзя, а все равно гордятся!». В артисты пошел. У каждого артиста в сумке череп Йорика, но не каждый достать может. Петь стал, романсы, песни красивые. Фами-

лию не менял, пока мой друг в кавычках, тоже еврей, кстати, меня перед моим выходом Пейсатовым не назвал. Пошутил. — Бархатов вздохнул, а Семенов едва сдержал улыбку, — Наутро я уже был Пейзадовым, а вскоре и Задопоевым. Шутка удалась, и пришлось завязать. Никто меня уже всерьез не воспринимал. А здесь, в охране, хоть деньги и маленькие, но люди терпимые. Иногда даже пою кое-где. Так-то здесь как на Сент-Женевьев-де-Буа.

– Это как?

– Как в песне, «Здесь похоронены бывшие, бывшие...». Бывшие менты, простите.

– Ничего.

– Летчики, спортсмены, тюремщики, железнодорожники, воспитатели. Вот и артисту бывшему приют нашелся. Сюда же не сразу понимаешь, зачем ходят. А потом уже видишь – от одиночества. Семьи людям не хватает, работы. Занять себя нечем.

– Понятно. А что вы можете про погибшего рассказать?

– Он неинтересный человек был. Истории у него про то, как он кого-то охранял в полиции, принял, куда-то поехал. Все как здесь, только там.

– А так вы с ним близко знакомы были?

– С этим звонарем? Да ни за что! Чай он у меня часто стрелял. — Бархатов поморщился, — Как и у всех.

– А вам не показалось, что он чем-то подавлен?

– Нет. Погодка, конечно... Но он не тот человек, чтобы с погоды стреляться. Нет в нем такой ранимости.

– А что вам вообще запомнилось?

Бархатов пожал плечами:

– Да вот моментик, когда Соломка к пришлому пристал, что где-то его видел. Это похоже было на театр. Знаете, когда оба партнера забыли текст и несут какую-то отсебятину, лишь бы протянуть время и не сгореть, надеются, что кто-то подскажет или что-то вспомнится. Забавно. Я сам как-то попал в такую неприятность.

– А это как было?

– Ну, Соломка к нему пристал с этим сразу после развода и начал про свою великодушную память опять. А, вам, может, время нужно. Где-то без пятнадцати девять.

Что ж, что-то все же стало ясно. Теперь оставалось проверить видео; сначала просто посмотреть, а потом взять записи.

На видео был снег, снег и еще раз снег. Начался он около трех часов дня, да так и валил, не переставая. Ветер плотной завесой гонял его и после шести часов вечера, когда совсем стемнело, видны были разве что фонари.

Фактически только для отчета, он договорился с начкоманды, чтобы взять записи с видеокамеры, смотрящей на будку поста, где нашли убитого Соломенко, и дождался остальных охранников. За два часа разговоров с теми ничего нового он не узнал. Погибший был не самым приятным и немного надоедливим человеком, любившим рассказывать о своей работе в полиции. Временами он выпивал, отчего у него были проблемы на работе, но никто его не собирался увольнять, потому что он хотя бы ходил, а при такой зарплате надеяться на замену было сложно.

Судя по его личному делу, женат он не был и родственников не имел, но в телефоне был номер на женское имя. Семенов решил, что одиннадцать утра нормальное время для звонка и визита, но в этот момент телефон сам зазвонил у него в руках. Семенов нажал кнопку ответа и в трубке зазвучал взволнованный женский голос:

– Андрюша! Ты где? Уже одиннадцать, тебя опять на другую станцию послали? Почему ты не позвонил?

Семенов переждал, пока словесный поток поутихнет.

– Простите, это капитан полиции Семенов. К сожалению, Андрей Соломенко не сможет вам ответить.

– Это что, мошенничество? Я ничего платить не буду!

– Нет. Это не мошенничество, к сожалению, он погиб сегодня ночью... -на той стороне раздался резкий вздох, похожий на плач, и Семенов поспешил удержать контакт, -Мне надо встретиться с вами, чтобы уточнить некоторые вопросы.

– А что с ним случилось?

– Пока подозревается самоубийство.

– Почему! Ведь все так начиналось. Только...

– Погодите, давайте встретимся. Вы можете сегодня подойти в отдел?

– Нет, Андрюша должен был подойти посидеть с сыном, а теперь мне пришлось с работы отпроситься.

Подробности начали нарастать снежным комом.

– Погодите, погодите. Давайте хотя бы представьтесь.

– Да, конечно. Наталья Валерьевна. Самохина.

Семенов записал это и продолжил:

– Вы где живете, к вам подъехать сейчас можно?

– Я соседка его по площадке. —она на время замолчала и добавила, -Знакомая.

– Хорошо, -в дверь заглянул Илонов, Семенов махнул ему на стул, -я тогда к вам подъеду с участковым, нам понятые понадобятся, чтобы квартиру его осмотреть, и вы бы нам могли помочь?

– Да. Он мне ключи дал, чтобы я кошку кормила.

– Значит, я сейчас подъеду и вам позвоню. Его адрес у меня есть.

– Да, давайте. —она немного помолчала, -Вы не знаете, отчего он застрелился?

– Нет, Наталья Валерьевна, пока не знаем.

Она всхлипнула в трубку и попрощалась. Семенов же обратился к Илонову:

– Ну, что там у вас?

– Ничего особенного кроме этой гильзы. Я протокол осмотра написал, потом окно закрыли, так хоть потеплело.

– Нашли гильзу-то?

– Нашли. Под окном как раз. Хорошо, металлоискатель был, а то и впрямь пришлось бы снег прокапывать. —он потянулся, зевнул, -Спать охота.

– Охота, -согласился Семенов, -чего там накопили? Какое мнение?

– А вот темнит чего-то старик.

– То есть?

– Чего-то не понравилось ему, просил заглянуть, как приедешь. Он уже с трупом отбыл.

– Хорошо, загляну. Так, насчет пистолета я договорился, забирай на экспертизу.

– Ага. Да, -поинтересовался Илонов, – у тебя-то что? С чего он застрелиться мог?

Семенов поглядел в окно, снег кончился, по белой дороге ехали машины, пожал плечами:

– А вот это и непонятно. Вроде ничего такого не было.

– Разве что погода отвратная.

– Саша, -Семенов помнил, что ему еще надо ехать к соседке, ты давай тогда в отдел и быстрее там с пистолетом разберись, а я тогда прогуляюсь тут на квартиру погибшего, надо там пошуровать.

– Ладно, давай, еду.

И они разошлись. Один в отдел, другой к женщине, уже считавшей себя вдовой.

Наталья Валерьевна пыталась привыкнуть к тому, что ее знакомый, может быть, довольно близкий, потому что было ей на вид не намного больше тридцати, а погибшему хоть и за пятьдесят, но он тоже не казался стариком, что человек этот уже никогда не придет к ней.

Сидели они на кухне в квартире обычной хрущевской однушки. Осмотр квартиры погибшего уже прошел и ничего особенного не выявил; кошку его женщина забрала к себе, а квартира была опечатана. Оружия, драгоценностей и прочего в квартире, представлявшей стандартную холостяцкую берлогу, слегка упорядоченную сознанием службиста, прошедшего полицию, и немного испытавшую влияние женской руки, не нашлось. На всякий случай Семенов изъясил старый ноутбук, на котором Соломенко, вероятно, и писал свои мемуары. Сейчас он сидел за чаем с соседкой погибшего, и та глядела мимо него с потеряннным видом, только автоматически переставляла снова и снова на столе солонку, чашки... Приболевший ребенок спал в комнате и Семенов заговорил с ней тихо:

– Наталья Валерьевна, -она встрепелась и посмотрела на него, -скажите, пожалуйста, когда Соломенко уходил на работу, он не был подавленным, угнетенным?

– Нет, -она медленно покачала головой, -я покормила его и он ушел. Как всегда, был веселый, сказал, что написал еще несколько страниц мемуаров своих, прокатил там кой кого и обещал почитать, как допишет.

– А вот вы сказали, что только началось что-то.

– Да. —она кивнула, и глаза ее затуманились, а руки она сложила на коленях. —Мы договорились съехаться, а он обещал совсем бросить пить и хотел перейти в более серьезную фирму, где платят больше. -Она вздохнула. —Он уже с ТЭЦ уходил раз, только опять вернулся.

– Вот как? —Надо бы проверить, не отказали ли ему. Может, он с того и застрелился, что понял, не возьмут его больше нигде.

– Да. Шутил тогда еще, что станция уже никого не отпускает. —Семенову припомнились слова Бархатова об одиночестве и семье.

– А расскажите, пожалуйста, как он отнесся, к тому, что его премии лишили.

– Он не от этого огорчился, что лишили, он же памятью своей гордился, что увидит человека раз и запомнит навсегда, из-за этого он и переживал. А директор тогда простудился и шел в маске и куртку еще теплую новую надел, а тогда установка была, что в тот день проверка будет на проход по чужому пропуску, он и накинулся.

Дальше Семенов знал. Она вздохнула тяжело и с надрывом проговорила:

– Господи, представить не могу. Из-за чего? Ведь все наладилось! Отлично все было, дежурства совпадали, наконец, мужик в доме! Если что-то не так, ну сказал бы!

Семенов дал ей выговориться. Идеальным мужем Соломенко ему отнюдь не казался, хотя, на ее взгляд... Кто знает, что она нашла в нем?

Весы все еще колебались, и причин, чтобы застрелиться, кроме дурацкого инцидента с директором он не видел. Надо было проверить информацию о новой работе. Сорвался и выпил? Самохина бы его простила, да и он бы к утру уже протрезвел. Причиной же выпивки одинаково могли быть как отказ, так и согласие

потенциального работодателя. Внезапная депрессия? Может и так. Похоже, оставалось только проверить, стрелял ли из пистолета сам погибший и на этом следствие завершить.

С этим он еще раз выразил хозяйке свои соболезнования и отправился в отдел.

Придя в отдел, Семенов, повесил куртку и, несмотря на выпитый у овдовевшей подруги охранника чай, снова поставил чайник – день был весьма прохладен, и хотелось спать. Пока закипала вода, Семенов просмотрел бумаги, принесенные ему на стол, и убедился, что пуля и гильза были выпущены из того самого пистолета, который лежал на полу сторожки. Ну что ж, этого следовало ожидать. Пожалуй, теперь можно было писать заключение о самоубийстве по невыясненной причине, никаких фактов указывающих на что-то иное не было. Разве что охранник решил спяну почесать пистолетом голову. Хотя и это пришлось отместить после разговора с начкоманды; пистолеты носили невзведенными.

Минут десять Семенов спокойно отогревался чаем, но потом в кабинет зашел Илонов и сходу напомнил:

– Дима, ты забыл? Тебя Степан Палыч видеть хотел.

– А зачем?

– Не сказал.

– Сейчас позвоню, -он набрал номер, но эксперта не оказалось в лаборатории, а вот по сотовому он ответил.

– А-а, Дмитрий, хорошо. Я сейчас в столовой, подходите. Вам заказать чего, а то я как раз в очереди стою?

Семенов на секунду задумался: а в самом деле, почему нет?

– Да, возьмите там супчик, котлету с чем-нибудь, и хлеб. Ну и булочку.

– А чай?

– Вот чая уже точно не надо. Давайте какао. Взбодрюсь.

В небольшой столовой былолюдно, но столик в углу эксперт сумел захватить полностью. Эксперт помахал Семенову:

– Давайте, Дмитрий, сюда. Быстрее начинайте, а я вам расскажу, что и как.

Дмитрий принялся за борщ, а тем временем Степан Палыч, наколов сосиску на вилку, объяснял ему:

– Видите ли, Дима, если ему и было, отчего стреляться, то от холода. Я там весь промерз. Это меня несколько смутило, потому что он ведь и спать, получается, лег в перчатках. Из-за этого холода размазалось определение времени смерти. Но примерно, он умер от полуночи до четырех часов. Точнее, увы, не сказать. Но я чего-то отвлекся.

Он выдернул вилку из сосиски, накрутил на зубцы макароны и, прервавшись на их поглощение и откусывание сосиски, продолжил:

– Так вот, если вы помните, мы никак не могли найти гильзу, хотя обшарили все в этой лачуге.

– Да-да и что?

– Нашли мы ее за окном, в снегу. И вот тут, -он наставил конец сосиски на Семенова, -и кроется важный нюанс. Дело в том, что из того положения, в каком наш покойник лежал, гильза туда улететь не могла.

Семенов уже перешел к котлете, но тут сразу перестал есть:

– То есть как?

– Ну, вы же были в тире?

– Конечно.

– Видели, как там гильзы летают?

– Вправо и вверх.

– Так вот, из того положения где он лежал, то есть на спине, лицом к двери, гильза ударится в стенку за его головой и об потолок, а потом или на пол или на него самого. Если он нормально держал пистолет.

– А если ненормально?

– А так уже руку не изогнуть. Вы ешьте, ешьте.

Семенов медленно ел, пытаясь это представить.

– Тогда выходит, что кто-то поменял положение тела?

Эксперт кивнул с набитым ртом, прожевал и добавил:

– Возвращаясь к гильзе: она ведь может в окно вылететь, если выстрелить с другой стороны кровати. Только тогда надо, чтобы человек лежал на животе. На всякий случай я еще кое-что проверил, а именно, следы пороховых газов на разных концах кровати. Там, где у него ноги, пороховые газы есть. Может, он был акробатом и застрелился, согнувшись пополам, а потом, застрелившись, распрямился? Но нет, на брюках следов пороха нет. На перчатках следы пороха есть. И подумайте, чего это он в перчатках спал, но без бушлата? Хотя если стрелялся, то все равно.

– А кому это нужно, менять положение тела?

Эксперт пожал плечами:

– Кто знает. Видимо, кому-то не понравилось прежнее положение. Или тому, кто нашел, или... Скоро ведь вам на доклад идти, пойдем вместе, документы у меня тут, в папочке, -он кивнул на лежавшую сбоку на столе папку, -а пока подкрепимся. Ах, да! Неаппетитно, но слюна на подушке тоже есть. Свежая. Свежемороженая можно сказать. Да, -добавил он, -в термосе рябиновая настойка, но несильная. Взял бы себе, но некрасиво как-то.

Полковник еще раз недовольно посмотрел на них и наконец, произнес:

– Не усложняете?

– Пожалуй, нет. —ответил Семенов. —Причин для самоубийства не выявлено, а тут еще и это.

Полковник еще попытлся недовольно, размышляя и взвешивая что-то.

– И что, Дима, делать собираешься?

– Ну, -пришлось импровизировать, -сперва отдадим видео технарям, пусть посмотрят и увидим, что там будет видно. —Полковник поморщился, видно, от построения фразы. —Если убийца был, то он должен был попасть на видео.

– Ну что ж, очевидно. Еще что?

– Опрошу его сожительницу повторно. Узнаю, как он спал, в какой позе, если она знает, конечно.

– Если нужно, спроси, может и знает.

– И вот что, у меня один вообще неопрошенный есть из тех охранников, которые были на ТЭЦ.

– Почему?

– Его отпустили до нашего приезда. Решили, что он ни при чем.

Полковник помолчал и хмыкнул:

– А ведь у тебя, Дима, прямо таки сюжет намечается как в классическом детективе. Убийство в замкнутом пространстве и сколько там подозреваемых?

Семенов быстро посчитал в уме.

– Тридцать два. Смена и охранники. Нет, тридцать один, минус убитый.

– Ладно, давай сперва видео проверь. Там и узнаешь, насколько он убитый. Опросы проводи, но вообще старайся держать впечатление, что мы расследуем самоубийство.

Этим напутствием и закончилось совещание.

Когда Семенов вернулся в кабинет, отправил Илонова с видео к компьютерщикам, и уже набирал номер Самохиной, он никак не мог решить с чего начать разговор, решил просто спросить о жизни, а дальше вывести на нужную тему.

Ответила она сразу и Семенов спросил:

– Наталья Валерьевна, ну как вы, уже получше немного?

Но она что-то почувствовала и он немедленно в ответ получил:

– Прекратите, вы же хотите еще о чем-то спросить.

Семенов удивился ее чутью, но не стал спорить.

– У меня несколько личный вопрос...

– Ой, давайте поскорей. Да, мы спали вместе.

– Меня не совсем это интересовало.

– А что же? -Она несколько удивилась. Семенов же подумал, а не спросить ли ее заодно, не изменяла ли она и не оставил ли Соломенко завещания в ее пользу, но решил оставить это на потом.

– Тут возник вопрос, не запомнили ли вы, в какой позе Андрей Юрьевич обычно спал? На спине, на животе, на боку?

– Вот вы о чем. —Кажется, он действительно смог ее удивить, -Он на животе спал, руки под грудь подкладывал, не представляю, как можно было так спать, но он так спал. Обидно даже было, что не обнимал. Я его спросила, а он говорит: «Я на койках узких всю жизнь спал».

Семенов поблагодарил ее и отключился.

Итак, ситуация все более склонялась в пользу убийства.

Шесть часов видео кое-как расчистили от снега, но все равно видно было немного. Однако вполне достаточно, чтобы разглядеть неясную тень человека, которая в 01.15 подошла к тени сторожки, распахнула тень двери и слилась с тенью сторожкой. В 01.18 тень человека отошла от тени сторожки и вышла из поля зрения камеры. Никто другой не приходил до 05.55, то есть до прихода Артеменко. Теперь отпали последние сомнения.

– А получше нельзя?

Компьютерщик недовольно фыркнул:

– Чего получше? Черно-белая камера с низким разрешением на таком расстоянии и в снегопад. Скажи спасибо, что хоть это есть.

Семенов похлопал его по плечу.

– Спасибо тебе, друг! Теперь по камерам отследим и все. Плевое дело. Он же не на улице торчал, куда-то зашел, где-то есть другие камеры, в зданиях, где снега нет...

– Вот так просто?

– Выходит так. Тридцать один человек. Закинь на флешку, может, кто и узнает. Едем на ТЭЦ.

Однако на ТЭЦ было совсем не все так ладно, как хотелось. Начкоманды провел их в комнату наблюдения и еще раз показал им мониторы:

– Вот, посмотрите, у нас всего два десятка камер в самых узловых местах. Раньше было больше, но некоторые сломаны, а некоторые пауки обсели и снегом занесло.

– А вы их не убираете?

– А как? Там же мачты, это опасно. И это не мы должны делать.

И вскоре стало ясно, что далеко не во всех местах станции стоит Око Большого брата. Не было камер на трубах, засыпало снегом камеру над входом Котлотурбинного цеха, работали, но просто ничего не показывали две из трех камер на Электроцехе, через одну работали камеры на ограждении станции, и те, в основном, показывали внешнюю сторону. Зато были видны помещения у турбины и котлов, на Щите управления, в административном корпусе и в караулке.

Теперь время действия было ограничено, и Семенов уже четко знал, когда надо смотреть. Сперва отпал Электроцех – слишком далеко, да и тень человека пошла совсем не туда. Сразу удалось отсечь троих человек с Щита управления, – они практически не вставали с мест, а если куда и выходили, то быстро возвращались, за это время не было никакой возможности дойти до сторожки. Удалось отсечь несколько постов охраны и проходная – перед камерами охранники не засветились, но все равно осталось еще почти два десятка человек. Отпали главные машинисты турбины и котлов – они как зашли в свои каморки, так и выходили из них только около десяти часов вечера.

Наконец, при просмотре видео из зала, наполненного непонятными трубами и механизмами, Семенов ясно увидел быстро бегущего человека, выскочившего снизу, пробежавшего вдоль турбины и вновь рванувшего вниз по лестнице. Время было 00.49.

Семенов остановил запись, вернул назад и повернулся к начкоманды:

– Кто это? — тот пригляделся:

– Точно не скажу, похоже, обходчик.

– А куда он бежал?

– Не знаю. Может, открыть чего-то надо было или закрыть.

– Что именно открыть, закрыть?

– Ну, задвижку.

– Это так важно?

– Конечно! Тут как давление скакнет, так труба лопнуть может!

– А у кого это можно узнать, так, чтобы точно?

– Ну, у начальника смены станции, у начальника смены цеха, у начальника цеха, главный машинист может что-то знать... Да и сам-то он чего-то скажет. — Он прервался, — А зачем это вам? Ведь Соломенко застрелился.

– Вот что, — Семенов посмотрел на него внимательно, — то, что я сейчас скажу, не надо распространять. Есть очень убедительные данные, что Соломенко именно убит. Сейчас надо определить, кто это сделал. Когда, примерно ясно.

Пока он говорил, начкоманды бледнел все больше и как-то проседал в кресло. Видимо, эта мысль потрясла его.

– Так что же теперь...

– Теперь попробуем понять, кто это и куда этот молодой человек так мчался. Он сегодня здесь?

Начкоманды задумался.

– Нет, отдыхает, но завтра у него смена.

– А кто есть из той смены?

– Начальник смены станции. Их не хватает, они чаще меняются. Начальник цеха, но он тоже может не знать, надо смотреть записи по Щиту управления.

– Хорошо. Надо, так посмотрим. Давайте узнаем, кто это был хотя бы.

Бегуном с препятствиями по цеху оказался машинист-обходчик третьего разряда Сергеев Антон Павлович 2000 года рождения. Через отдел персонала получили его телефон и адрес, после чего Семенов направил Илонова к юному энергетику. Сам же, чтобы не терять время, решил раскопать эту историю с другого конца.

Начальник смены станции, крепкий невысокий парень лет тридцати в очках, после некоторого замешательства быстро проговорил:

– Да-да, конечно, около часа ночи было резкое падение давления, на щите тоже увидели, и надо было срочно открыть задвижку, выровнять, потом закрыть до уровня.

– Это дело Сергеева?

– Не совсем. Он вообще насосами занимается. Просто, чтобы открыть задвижку, машинисту из их смены пришлось бы покинуть пульт, а там надо постоянно следить за котлами. Поэтому он, ну, машинист, звонит Сергееву и просит его открыть ту задвижку, а сам контролирует, как меняется давление. У Сергеева одни обходы, хотя и аварии, конечно, тоже бывают, но крайне редко.

– Это отражено на графиках? Изменение это.

– Да, само собой.

– Хорошо, то есть, можно быть уверенным, что это делал именно он?

– Ну... -начальник смены станции пожал плечами, -не знаю.

Графики показывали все как надо, и давление действительно падало и росло как нужно и в то время, которое было на видео. Была, конечно, еще вероятность сообщника, но это казалось слишком запутанным. Да и возвращался на место Сергеев безо всякой спешки. Был и еще один нюанс – Сергеев не служил в армии и, пожалуй, мог не знать, как толком стрелять из пистолета. Но это не точно.

Так что, теперь надо было брать показания с него, а как при этом придерживаться версии о самоубийстве, становилось совсем неясно.

Уже на выходе со станции его вдруг окликнул охранник:

– Товарищ следователь, я вам забыл еще кое-что сказать!

Семенов обернулся – на проходной, как и в прошлый раз бодрый и веселый, стоял Артеменко.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, товарищ следователь.

– Так о чем вы не сказали?

– Так Солома-то, он же памятью своей хвастался...

– Ну, про это вы рассказывали.

– Не, он же и на пришлого нашего после обхода тоже начал: «Я где-то тебя видел, я где-то тебя видел». Достал просто.

– На пришлого? На кого?

– Ну, на Ш который.

– А, Шамушев. И что Шамушев?

– Смеялся; поговорили, пошумели, где могли пересекаться, но вышло, что нигде. Так что и здесь он облажался.

– Подвела, значит, память?

– Ага. Подвела.

– Думаете, от этого он застрелился?

– Не, не знаю. Обидно, может, было, но он такой, что ему по барабану все. Было.

Ну что ж, снова это происшествие из последнего дня охранника. Если не знать, что его навестили перед самой смертью (хотя время смерти и было неточно, но в визите никто не признался), можно было бы решить, что он почувствовал наступление старости и не смирился с этим. Ах, да! Еще и гильза!

– А с Сергеевым он не ссорился никогда?

– С Сергеевым? С обходчиком? Как и со всеми, не больше, не меньше. Так, поругивался из-за рюкзака, но ничего особенного.

Значит, мотива как бы не было.

Пока же надо было уточнить инструкции Илонову. Семенов вызвонил помощника и сразу начал:

– Так, расспросил его про забег? Теперь проверь, кто ему звонил и кому он звонил во время убийства. Должны быть несколько звонков или один длинный. Проверь, кому он еще звонил и смс-ки тоже.

В принципе, оставалась вероятность, что звонил Сергеев с чужого телефона, но вообще, слабо верилось, что это он.

За этими размышлениями Семенов чуть не забыл про запись на флешке. Пришлось возвращаться и ставить видео в кабинете начкара.

Начальник караула склонился к экрану:

– Нет, не представляю, кто это может быть.

– Ничего, мы и не надеялись.

– Хотя знаете, -начкар задумался, -а ведь, похоже, что это именно охранник.

– А почему?

– Понимаете, работники, они ходят в касках, белых или оранжевых, а здесь все одного цвета, и шапка тоже. А еще у работников на бушлате ленты светоотражающие. Здесь ничего нет.

Да, с этим мнением стоило согласиться. Итак, все-таки охранник.

– А больше ничего сказать нельзя?

Начальник караула задумчиво покачал головой:

– По росту я бы наших девушек исключил, они все где-то метр шестьдесят, Артеменко тоже, он слишком большой, а вот остальные примерно одинаковые.

Это резко сузило количество подозреваемых, осталось шесть человек.

«Пархатов? —подумал Семенов, -чем ему мог так насолить Соломенко? Но есть еще пятеро и все о нем говорили почти одинаково презрительно. Хотя нет, я же опросил только четверых из них, остался Шамушев».

И теперь опрос охранника Шамушева, командированного с другой команды, стал важным.

Нельзя сказать, чтобы это было легко – надо было проехать на другой конец города. День уже клонился к раннему зимнему закату, когда, найдя небольшую ТЭЦ, Семенов, пропустив вперед женщину с парой мешков, вошел в проходную и спросил у весьма пожилых охранников, где найти начальника караула.

Сидевший в стеклянной будке постовой, поднял трубку телефона и что-то сказал, а положив трубку, заверил Семенова, что начальник караула сейчас будет.

Подтянутый мужчина в уже привычной синей форме вышел из боковой двери, прошел через турникет и представился:

– Торопов, Максим Алексеевич. Начальник караула.

Семенов показал удостоверение.

– Вы, наверно, знаете о происшествии позавчерашнем.

– Да. —Торопов грустно покивал головой и нервно потер кобуру, -Нам рассказали, сегодня на разводе заслушали.

– Ваш охранник Шамушев, он тогда там дежурил, мне надо поговорить с ним. Тогда его отпустили пораньше, и он не смог дать показаний.

– Понятно. Он сейчас на посту, я подменю его резервным. Давайте в караулку пройдем, только надо вот пропуск выписать. А Шамушев, он у нас лучший, можно сказать. На межсменку выходит, заболевших подменяет, не отказывает никогда. Спит мало, говорит, четыре часа ему хватает.

Он бы и дальше продолжал расхваливать Шамушева, но началась процедура с выписыванием пропусков, и через десять минут Семенов был уже в караулке, где его разместили в столовой, а еще через десять подошел и сам Шамушев – коротко стриженный худой брюнет среднего роста с усами. Был он не улыбчив и немного насторожен, но это было вполне понятно: не каждый раз в твое дежурство человек, с которым недавно говорил, гибнет от пули.

Поздоровались, Семенов представился и начался разговор. Приходилось держаться версии самоубийства.

– Сергей Васильевич, вот вы дежурили, на той станции, где погиб охранник.

– Да, -согласился Шамушев, -был.

– Вы ведь говорили с тем охранником?

Шамушев как-то замялся.

– Ну, не знаю, там ведь много охранников было, может и с ним говорил.

– То есть, ничего такого вы не запомнили?

– Нет, -Шамушев пожал плечами, -ничего. —это было уже странно: как такое можно забыть – незнакомый человек вдруг заявляет, что точно знает тебя, настаивает на этом.

– А что вообще было?

– Да ничего. Как всегда: развод, потом дежурил, обходы, —еще более странно, какие обходы, если их отменили? —поспал, еще подежурил, все.

– Сколько обходов?

– Три. —полное несоответствие, но зачем же так нагло врать?

– А к сторожке вы не подходили?

– Какой?

– Дальней, там, где отмечаться надо в журнале при обходе.

– Подходил, отмечался.

– Не смотрели внутрь, где постовой спит?

– Нет, не смотрел. —Шамушев все же как-то занервничал, -А что, он там...

– Там.

Шамушев выдохнул, сгорбился на стуле:

– Вот ведь как...

– Да, бывает. Подпишите вот здесь, пожалуйста.

Итак, что-то здесь явно не сходилось. Тем более что после просмотра видео стало ясно, что Шамушев вообще никуда не выходил из караулки.

Следующим утром, когда мороз уже немного спал, Илонов налил чаю по чашкам и выдвинул версию:

– Может, он просто все забыл? Плохой сон, переутомление, пашет постоянно.

– Не, Саша, такое не забудешь. Все эти шутки-прибаутки насчет внешности так просто за день не забываются. И отмену обходов тоже так просто не забыть.

– И что тогда?

– Тогда он просто что-то скрывает и уверен, что все осталось на уровне самоубийства.

– Но как он вышел, так, что камеры его не видели?

Семенов задумался, отпил чаю, а потом щелкнул пальцами:

– Элементарно, Саша! Караулка на первом этаже. Через окно.

Илонов соскочил со стола.

– Точно! Как же мы раньше не подумали!

– Тогда осталось выяснить, откуда Соломенко его знает.

– А он убежать не успеет?

– Вряд ли, ведь сейчас все нормально.

– Тогда он сиделец?

– С чего это? Ведь к ним сидельцев не берут.

– Ну, Соломенко же в полиции работал.

– И что? У Шамушева ведь еще и отпечатки брали, он с пистолетом ходит.

Не проскочил бы.

– Не знаю, как-то все же неуверенно.

– А тогда что? Его застрелил тот, кто вместо него должен был там шесть часов спать? Отличный мотив!

– Ладно. С чего начнем?

– Начнем с того, что у тебя там с обходчиком.

– Все нормально. Подтвердилось по звонкам, есть лента с самописцев и видео, как он маховик крутит.

– Хорошо, с этим ясно. Хватит чаи распивать, нам нужно дело Шамушева из Росгвардии. Там есть фото, анкета, ну и отпечатки.

– А если не дадут?

– А давай без если. Тогда откопируй.

– Ты, кстати, не думал, почему в сторожке такой холод?

– Думал. Может, он и впрямь застрелиться собирался?

– Ну, может, он просто прилег, а окно приоткрыл проветрить. Кстати, мемуары я его прочел. Тупые анекдоты и больше ничего.

Полковник был недоволен:

– Ну что вы там возитесь? У вас ведь все в руках. Или опять ошиблись?

Эксперт встал, кашлянул:

– Тут у нас выискалась еще одна вещь.

– Какая?

– Убитый ведь в перчатках был.

– Убитый, -хмыкнул полковник.

– И это сразу странным показалось: чего это он в перчатках спит.

– И что? А что он в перчатках стреляться решил, не показалось странным?

– Так вот, -эксперт протер очки, еще подзатянув паузу, -на перчатках снаружи следы пороха, в перчатках его потожировые следы, что неудивительно...

– Ну, поскорее, поскорее!

– Так вот, а еще там внутри остатки шерсти от других перчаток.

– Так вы хотите сказать, что кто-то надел эти перчатки на другие.

– Ну, других перчаток я там не нашел. Вот, -он протянул пару листов, -марка шерсти, тип перчаток. Синие. Кто-то их одел под кожаные перчатки, а потом кожаные снял и одел на убитого.

«Вот так, – подумал Семенов, -версия об убийце-охраннике еще раз подтвердилась».

– Понятно. А у вас что, сыщики?

Семенов протянул ему лист с результатами опознания по фото. Полковник читал, слышно было как муха, случайно дотянувшая до января, пролетела по кабинету, потом резко взглянул на Семенова:

– Этого быть не может!

– И мы считаем, что не может. Даже если он купил справку об отсутствии судимости, он не мог пройти дактилоскопию.

– Задерживайте немедленно. Потом разберемся.

Понять его было можно. Шамушев был опознан по фото как бежавший из-под следствия подозреваемый в двух убийствах и соучастии в ограблении Игорь Валерьевич Седых. Отпечатки пальцев не совпали, но ситуация была более чем странная и требовала немедленного разъяснения. Так что вопрос с задержанием был решен.

Адрес Шамушева имелся, но был ли он там? Семенов отлично помнил, что усердный охранник подписывается на все свободные дежурства. Проще всего Шамушева было найти через начальника его команды, и ему-то Семенов и позвонил. Ответ он получил сразу.

– А он сегодня он у нас, межсменка. Я его предупрежу.

Семенову как-то не хотелось предупреждать о своем визите потенциального убийцу, вооруженного пистолетом и он попросил:

– А вот как раз предупреждать не надо. Совсем.

– Понятно, -услышал он задумчивый голос начкоманды и понял, что тому ничего не понятно.

Когда Шамушева вызвали расписаться в журнале в кабинете начкара, он только протянул руки к журналу, как на его запястьях сразу защелкнулись наручники. Кобуру растегнули и ловко вынули пистолет, потом также ловко сняли ремень. Он только и сказал:

– Да как же это...

Семенов вошел в кабинет, посмотрел на задержанного:

– Гражданин Шамушев, вы подозреваетесь в убийстве стрелка Соломенко.

Шамушев посмотрел вокруг какими-то растерянными глазами и только еще раз повторил:

– Да как же это...

Но вся удача на этом и кончилась. Снова стало ясно – это не Седых. Отпечатки пальцев сняли снова с тем же результатом, и что теперь делать было непонятно. Пришли данные по Седых и Семенов начал их сравнивать с данными Шамушева.

Братьев у Шамушева не было, сестер тоже. Его отцом был Василий Алексеевич Шамушев а матерью Анастасия Егоровна Шамушева. Родился же он в Воронеже в июле 1984 г..

Седых родился в Екатеринбурге в августе 1984 г. отцом его был Валерий Дмитриевич Седых, матерью Анна Егоровна Седых.

Пока что Шамушева и Седых связывало разве что отчество матерей и год рождения. Это было интересно, но мало.

Но Семенов уже задумался – матери с одинаковыми отчествами, да и возраст их детей был очень уж одинаков. Постучав немного карандашом по столу, Семенов

набрал запрос по обеим матерям. Больше ничего сделать было нельзя. В это время зазвонил телефон на столе и он снял трубку:

– Товарищ следователь, задержанный Шамушев просится на допрос.

– Просится, ведите. —ну вот, может, все и обойдется.

Ввели Шамушева, он огляделся, присел на стул осторожно.

– Здравствуйте, я признаться хотел.

– В чем?

– Я того охранника убил.

«Ну, вот и признание!» -подумал Семенов, но вслух сказал:

– А расскажите, как и когда.

– А зачем? Вы ведь все знаете, а я забыл.

– Ну, как забыли? Вы ведь не каждый день людей убиваете.

– Да вот, -Шамушев хлопнул себя ладонями по коленям, -видно, память совсем подводит.

– Ну, хорошо, а почему вы считаете, что это вы?

– А кому еще?

– Так на ТЭЦ же полно народу. Мало ли кто?

Шамушев задумался.

– Но арестовали же меня, значит, есть за что.

– А вы попробуйте вспомнить, как все было.

– Да как было, как везде. Пришел, развод, потрепались, разошлись, подежурили.

– А когда вы его убили?

– Ночью.

Ну, это наверняка сказали на инструктаже.

– А когда именно?

– Не помню. Темно было.

– А вот за что, не помните?

– Да поругались, я его пистолет взял и застрелил.

Ну, это тоже очевидно.

– А вот отпечатков ваших мы на пистолете не нашли.

– Так я стер.

– Ну вот, а говорите не помните!

– Да. —оживился Шамушев, -Теперь вспомнил. Стер, точно стер!

– А куда выстрелили?

– Да я не целился. Куда попал, туда попал.

– А вот вы долго с ним спорили?

– Ну, не помню. Может, минут десять-пятнадцать.

– Лучше бы вы это как-то написали. Давайте я вам бумагу дам, ручку, а вы уж сами. Как сможете, так и опишете. Сержанта с вами оставляю, а мне идти надо на доклад.

И Семенов вызвал конвойного.

Итак, Шамушев решил взять вину на себя, чтобы кого-то прикрыть. Но кто это был? Убийство просто так на себя взять он не стал бы, значит, это был кто-то очень важный для него.

Илонова он перехватил в коридоре и вместе они пошли в столовую.

– Вот видишь, Саша, хитрит он, но неумело, наивно как-то.

– А зачем?

– Знать бы. Посмотрим, что с ответом будет по запросам.

По возвращении в кабинет стало ясно, что толку от сидения в столовой было немного – лист бумаги перед Шамушевым так и остался чистым. Он посмотрел своими печальными глазами и сказал только:

– Вы мне напишите, как было, я подпишу.

– Нет, -заверил его Семенов, -так нельзя. Так ваш адвокат нас в суде разом прижмет и разгромит.

Так что Шамушев опять отправился в камеру. Признание его было тем более непонятно, что предъявить ему было нечего, и скоро надо было его отпустить. Трудно было поверить, что он этого не понимает. Не требовал он и адвоката.

Дня не прошло, а новость о задержании «Седых» достигла и весьма заинтересованных ушей – в отдел практически ворвался подполковник, и Семенова вызвали в кабинет начальника.

– Майор Ермилов, -представился приезжий, -я брал Седых до его побега. Хотел бы на него взглянуть.

Семенов перевел взгляд на шефа, тот кивнул.

– Хорошо, пойдете.

Едва взглянув в глазок камеры, Ермилов сказал:

– Это не он. Точно не он. Этот апатичный какой-то, а Седых, он крутится постоянно, все время что-то обдумывает.

– Мы знаем уже. Отпечатки не совпали.

– А войти к нему можно?

– Давайте попробуем.

Охранник открыл дверь, и Ермилов вошел внутрь. Задержанный поднял глаза, посмотрел на него немного и снова опустил взгляд.

Ермилов с Семеновым вышли.

– Нет. Это точно не он. Он даже не узнал меня.

По дороге назад Ермилов снова начал:

– Но до чего похож! А что вы о нем знаете? Он не с Урала?

– Нет. Воронеж.

– Братьев у него нет?

– В деле ничего.

– У Седых ДНК не взяли, статья была мелковата. Жаль. Проверили бы сразу. С этим можно было только согласиться.

– А вы его за что взяли?

– Застрелили человека во время его дежурства, а он в показаниях сильно путается. И это вот еще.

– Да. Странно. Действительно странно. И что дальше делать будете?

Семенов пожал плечами:

– Допрашивать. Но вот, наверно, теперь проверим, что его с Седых связывает.

– Да, —задумчиво произнес Ермилов, -да. Ну что ж, удачи вам.

Тут Семенов вспомнил, что у них есть видео с камер ТЭЦ:

– Товарищ майор, подождите. У нас тут видео есть. Давайте глянем.

На видео с ТЭЦ была проходная, Ермилов внимательно смотрел на экран.

– Вот, вот это точно Седых. Смотрите, он же постоянно что-то делает. Подоконник гладит, руки в карманы сует, вынимает, оглядывается все время, крутится. Палку эту, ну, металлоискатель, вертит. У него ни минуты покоя. Вот этот жест точно его! А тот только похож. —он обернулся к Семенову, -Вы знаете, где он сейчас? Надо же его брать немедленно!

– Неизвестно. Шамушев признался в убийстве, но реально он врет и кого-то покрывает. Теперь ясно, кого. — Семенов остановил видео, — А за что Седых взяли?

– Ну, — начал майор, — тут история длинная. Было одно ограбление ювелирного магазина, но неудачное. Рядом были омоновцы, и началась стрельба. Нашли потом застреленную девушку, застрелили одного нападавшего, двоих взяли и один еще убежал. Седых был свидетелем — попался среди покупателей, а так как он ничего особенного показать не мог, то его отпустили. Он убедил следователя, молодую девушку, что ничего особенного там не делал. Я был решительно против, чувствовал, что-то в нем не то. Теперь понимаете, почему он меня должен запомнить? А на следующий день от экспертов пришла бумага, а в ней было написано, что девушку застрелили из ПМ с отпечатками одного из нападавших, застреленного, но на руках нападавшего следов пороха из патрона ПМ нет, а стрелял он из Нагана, следы пороха из его патронов есть. Более того, на затворе пистолета нашли следы шерсти синего, зеленого и красного цветов. Женщины такое хорошо запоминают, и следователь сразу вспомнила, что такой шарф был на шее у Седых. На камерах подтвердилось. Ну, тут уже к Седых появились не вопросы, а подозрения, но он нас дожидаться не стал и уехал в неизвестном направлении. Да, там ведь покопались в пистолете подробнее и на магазине нашли отпечаток Седых — ему условный как-то дали по хулиганке и тогда сняли отпечатки. А помимо этого, при просмотре видео по поводу трупа рядом с его домом, выяснилось, что к нему при отъезде подошел тогда еще живой человек, и Седых его спокойно зарезал и уехал. Видно, времени не было. Человек этот оказался последним участником ограбления. Остальные Седых не знали, простые шестерки, а на дому у этого в компьютере попались фото, где была изображена убитая в магазине девушка, только больше снимались подходы, привычки охранников, места сигнализации и прочее. А те шестерки просто говорили, что их кто-то должен был подстраховать в магазине.

– Вот как. Да он уникален.

– Именно, — согласился майор, вставая, — людей только так убивает. Может, нам это дело отдадите?

– Как начальство решит. Лучше бы вместе работать, ведь ясно: на станции был не он, а Седых. Он его прячет. То, что он такой выносливый, что постоянно дежурит, тоже объясняется просто — они с братом дежурят по очереди. А охранников из Росгвардии полицейским проверять как-то неохота. Вот и выходит, что мы его по всей стране ловим, а он сидит под носом у нас.

– Да, — согласился Ермилов, — но он скоро может узнать, что Шамушева забрали и опять сбежит. Надо действовать.

Семенов откинулся в кресле, поднял трубку телефона, набрал номер:

– Шамушева на допрос. Интересно, паспорт у него тоже свой?

– Может и один на двоих. Надо проверить, не терял ли, не получал ли новый и какие вообще документы получил.

Конвойный ввел Шамушева:

– Здравствуйте, товарищ следователь.

– Садитесь, Сергей Васильевич. Мы вот тут посмотрели кое-что, посоветовались и пришли к выводу, что вы не могли совершить убийства.

– Но как же, я ведь признался.

– Ну, во-первых, вы совсем не помните подробностей, а во-вторых, вы не были на станции, там был Игорь Валерьевич Седых. И вы его покрываете.

Шамушев молчал, но лицо его осунулось. Семенов продолжал.

– Седых мог вам много чего наговорить, но он до убийства на ТЭЦ уже разыскивался по подозрению в двух убийствах и соучастии в ограблении. Вы хотите узнать подробности?

Шамушев медленно покачал головой.

– Сергей Васильевич, вы можете сказать, где он сейчас?

Шамушев снова медленно покачал головой и тихо сказал:

– Нет, никогда. Никогда.

– Вы же знаете где он.

– Нет, -повторил Шамушев, -Я убил.

Конвойный увел его. Майор посмотрел на Семенова:

– Почему? Чем он его держит?

– Пока неясно. Но они похожи, это неспроста.

– Неспроста. Ладно, если что, звоните.

Он уже почти встал, но вдруг вспомнил о чем-то:

– А кого он там, на ТЭЦ убил?

– Охранника, бывшего полицейского.

– А фамилия как?

– Соломенко. Андрей Юрьевич.

– Знаете, когда брали Седых, там, в отделе был какой-то сержант, его все Соломой звали. Он к нам просился и на память свою напирал. Я тогда ему втолковывал, что так прямо к нам нельзя и память здесь ни при чем. Да и староват он был и выглядел он так себе, -Ермилов поморщился, -разгильдяй.

– Ну, спасибо.

– За что?

– Теперь мотив ясен.

Ответ на запрос сразу прояснил много нестыковок. Анастасия Егоровна Шамушева в девичестве была Таниной и ту же фамилию до замужества носила мать Седых. Более того, мать Седых приехала в тогда еще Свердловск менее чем за год до рождения сына. То есть, Седых и Шамушев были двоюродными братьями. Итак, Шамушев не хотел сдавать брата, причем настолько, что готов был сам сесть за убийство. Удивительная, просто рабская привязанность. Это признание даже можно было бы принять, если бы Седых не разыскивали еще за два убийства. Так что самопожертвование Шамушева пришлось отвергнуть.

Пока Семенов раздумывал обо всем этом, пришел ответ о документах Шамушева: российский паспорт он не терял, однако заказал загранпаспорт, который был готов сегодня и еще не забран. Дмитрий посмотрел на дату заказа паспорта:

– Саша, а Шамушев в этот день не дежурил?

Илонов посмотрел графики:

– Точно, дежурил у себя на ТЭЦ.

– Ну что, Саша, похоже, Седых-то про этот паспорт знает куда больше брата.

В 9.30 МФЦ открывался, в 9.00 заканчивалась смена у Шамушева, и до этого времени Седых мог не знать, что Шамушев задержан вместо него. Вряд ли он стал бы ждать, так что следовало поторопиться, тем более что других точек для вероятной поимки Седых не было, хотя на всякий случай стоило поставить засаду по адресу Шамушева.

Илонов же занялся статистикой – перебрал номера телефонов, с которыми связывался Шамушев за последний месяц. К счастью, их было немного. Выделил

тот, с которым Шамушев связывался всегда после своего штатного дежурства перед дежурством сверхурочным. Этот же номер звонил Шамушеву после сверхурочного дежурства. Проверка показала, что в ночь убийства этот номер был в районе ТЭЦ, а в другие ночи, когда Шамушев числился на межсменках на других станциях, этот телефон был на этих станциях, а вот телефон Шамушева как раз в районе его дома. Что ж, этого следовало ожидать.

Сейчас этот найденный телефон был довольно далеко, но хотя бы в городе. До пресловутого МФЦ ему надо было пройти несколько километров. Проблема встала сразу: Шамушев вскоре должен был звонить Седых, но ждать этого от него было наивно. Хуже того, при звонке он мог еще и предупредить своего брата, так что доверить ему такую миссию было никак нельзя. А время шло. Выхода не было, Семенов набрал номер Ермилова:

- Товарищ майор, надо Седых перехватить, и, может быть, в трех точках сразу.
- Хорошо, говорите где, записываю.

Семенов назвал адреса Шамушева, МФЦ и район, где был сейчас телефон Седых.

- Хорошо, будем брать, есть за что.
- Только нам сначала привезти не забудьте. Фотографию высылаем.

И Семенов отослал Ермилову фото Шамушева.

Телефон Шамушева отвезли на ТЭЦ и не прогадали: через полчаса после завершения дежурства караула Шамушева телефон зазвонил, и начальник караула ответил на звонок:

- А, Сергей Васильевич, понятно, что не с обычного своего номера, телефончик-то вы у нас забыли. Зайдете забрать сегодня? Ну, нет, так нет.

Семенов посмотрел номер – это был именно тот самый, найденный Илоновым телефон. Все подтверждалось.

- Ну что, доволен? — проворчал полковник. — Влез поверх меня.
- Извините, времени не было, он мог догадаться, что Шамушев уже задержан.
- Ох, Дима, служил ты в армии, а никакой у тебя субординации нет. Ладно, докладывай дальше. Взяли?

– Взяли, товарищ полковник.

– Точно он?

– Точно. Похожи очень, но разные в поведении.

– А как их не раскусили-то, если они такие разные?

– Так Шамушев на одной станции дежурил, а Седых на других. Сравнивать было не с чем.

– И с чего ему этот загранпаспорт понадобился?

– Бежать, видно, хотел.

– Ну и как бы он бежал, если Шамушев тут остался?

– Ну, так Шамушев бы его не выдал.

– Только его спросили бы: «А чего это вы тут, гражданин хороший, тут делаете, если вы уже за границей живете?». Что-то вы еще недосмотрели. Чего он вообще сюда вернулся, где его искали? Его вон, сколько времени не видно было, а тут вдруг приехал, брата отыскал, затеял это все с переодеванием, и пахал на зарплату нищенскую. Только ради паспорта этого? Ищите, давайте. И разберитесь со всем окончательно, а то еще одного брата найдете. Все, Дима, иди и допрашивай. Обоих. Смотри, чтобы Седых опять не убежал.

Семенов решил начать с Шамушева.

Когда того снова ввели в кабинет, Семенову показалось, что Шамушев выглядит еще более усталым и постаревшим. Он сел на стул, сгорбившись, положил руки на колени.

– Сергей Васильевич, ваш двоюродный брат Седых уже задержан. Сейчас вы могли бы сказать нам, почему вы не хотели его выдавать.

Шамушев покачал медленно головой и Семенов уже подумал, что опять услышит признание в убийстве, но ответ его удивил. Тихим голосом Шамушев произнес:

– Он мне не двоюродный, он сводный брат.

Семенов переглянулся с Илоновым, Саша пожал плечами.

– Поясните, пожалуйста.

– У нас мамы близняшки были. Дурочки молодые. И моя мама уже замуж выходить должна была, а сестра ее, тетя моя, завидовала и сказала моей маме: «Ты думаешь, он тебя любит? А он тебя от меня в постели не отличит!». Глупая история. — он помолчал и продолжил, -А она поспорила и отца моего перед свадьбой испытать решила. Он и не отличил. Она его и прогнала. Сначала они довольные были и веселые, а потом вдруг поняли, что беременные обе. Тут им уже не до смеха стало, и они к родителям кинулись. Их отругали страшно, жениха еле вернули, тетю мою в Свердловск к родным отправили и сказали, чтоб про алименты ни слова. —Он говорил тихо, прерываясь, -Ну вот. А потом уже я родился, а там и Игорь. Тетя женилась тоже там на ком-то, но он ушел быстро, хотя иногда и заходил, а мой отец умер, когда мне пять лет было. Так и жили. —Он вздохнул тяжело. —Я же всю жизнь о брате мечтал, мне мама рассказала, что брат у меня есть и я мечтал, что смогу ему помочь, представлял, как мы вместе будем... Он пришел, сказал, что его девушку убили и теперь его ищут, чтоб подставить. Как я мог ему не помочь?

Теперь стало окончательно ясно, почему они так похожи и почему Шамушев так покорен Седых.

– Сергей Васильевич, ваш брат участвовал в ограблении и убил девушку, которую использовал для подготовки этого ограбления. Потом он убил сообщника. На это все есть доказательства. То, что именно он был на станции, -Семенов поймал себя на том, что начал говорить как охранник или работник ТЭЦ, -тоже можно считать доказанным. Охранника убил именно он, потому, что охранник видел Седых после задержания при ограблении. Он вряд ли знал, что Седых разыскивают, но ваш брат уже не мог допустить случайностей.

– Нет, -отозвался Шамушев, -я не должен...

– Чего не должны?

– Верить в это. Он брат мне.

– Он убийца.

– Все равно. Я защищать его должен.

– Вы можете не верить, но он убийца.

Шамушев помолчал еще, глядя в никуда:

– Можно я обратно в камеру...

Следующим был Седых. С ним вошел и Ермилов.

Семенову показалось – Шамушева быстро переодели, настолько они походили. Но присмотревшись, он сразу заметил отличия: Седых действительно был какой-то нервный, в постоянном беспокойстве, проседь в волосах лежала по-иному, глаза смотрели хитро, когда он вообще смотрел в глаза, а он избегал этого.

– Садитесь. —Седых подошел к стулу, сел, внешне успокоился и сразу начал:

– За что я задержан? Я просто шел за загранпаспортом. —голос его тоже отличался от голоса Шамушева – более высокий, резкий.

Семенов включил диктофон, произнес дежурные фразы о протоколе допроса и перешел к делу:

– Начнем. Фамилия, имя отчество.

– Шамушев, Сергей Васильевич. У вас же мои документы.

Семенов помолчал чуть, рассматривая Седых. Тот, видно, даже и подумать не мог, как глубоко все зашло.

– Паспорт – это хорошо, но у нас есть ваши отпечатки, гражданин Седых.

Седых дернулся слегка, но тут же овладел собой:

– Вы о ком? – игра стала слишком нарочитой.

– А вы уже забыли, что вы в розыске за два убийства и ограбление?

– Я никогда не был в розыске, у меня есть справка об отсутствии судимости, мои отпечатки взяли, когда я получал разрешение на оружие...

– Перестаньте, у вас взяли отпечатки сейчас, ваш трюк с братом уже разгадан.

Седых только пожал плечами, похоже, он нащупал новую стратегию:

– Ну ладно, ладно. Я же просто решил помочь брату получать больше денег, поддежуривал за него, я просто не знал, что меня разыскивают. Ну, уехал из-под повестки, так что теперь, расстрелять меня за это? Я же все рассказал следователю.

Семенов посмотрел на Ермилова, тот вступил:

– Ваши отпечатки на оружии, из которого в том ювелирном застрелили девушку.

– Ну, он на полу валялся, просто в руки взял, потом испугался, отбросил. Вы бы не испугались?

– Сразу отбросили?

– Сразу.

– Так и запишем.

– Ну, нет, может, не сразу.

– А что еще сделали?

– А вы напомним.

– Разбирали?

Седых замялся:

– Пожалуй, нет.

– А что делали?

– Не, ну столько времени прошло!

– Ну, потом вспомните. Так, шарф ваш об этот пистолет вы как ободрали?

– Да мало ли таких шарфов!

– В этом магазине такой был только у вас.

– Ну, прихватил, наверно, чтоб отпечатки свои не оставить и чужие не стереть. Я же не убивал.

– Так, хорошо. Теперь к другому делу перейдем. Вас отпустили и на следующий день вы уже человека зарезали и скрылись.

– Ну, послушайте! Это разве человек был? Это бандит, которого вы упустили, ко мне пришел, и угрожать стал. Да, зарезал я его, да убил, но я же защищался. Ну, испугался я потом, скрылся. И что? Теперь за бандита срок получу, который меня убить хотел?

«Так вот чем он брата-то пронял! -подумал Семенов, -Ловко крутит!»

– А на видео незаметно, чтобы вы успели вообще поговорить. Десяти секунд не прошло и вы его к мертвым друзьям спровадили. Да и в руках он ничего не дер-

жал. А еще страннее, что с вашего компьютера фото убитой девушки приходили ему, и все фото в том магазине. Да девушка там все обрезана кадром, а вот системы и подходы как по заказу в кадре. И друзья его, выжившие, рассказали, что кто-то их подстраховывать должен...

– Да граждане, ну откуда я знаю, с кем эта девушка могла кроме меня общаться! Снимаю плохо, а фото у меня и тырить могли. Сейчас хакеров знаете сколько? А бандитами этим не верьте, они за сделку что угодно наговорят!

– Хорошо говорите, Седых, мы то, может, вам и поверим, а поверит ли суд?

Тут уже и Семенов вступил:

– А загранпаспорт вы для кого заказали?

Отрицать это было глупо – взяли Седых в МФЦ.

– Хотел брату сюрприз сделать. Пусть бы он скатался куда.

– Кстати, а как вышло, что вы загранпаспорт получали на имя брата?

Это тоже было глупо отрицать, но Седых, видимо сдавал позиции понемногу, шаг за шагом.

– Ладно, -вздохнул он, махнув рукой, -хотел сам уехать. Зарплата здесь никакая, а там бы хоть пожил.

«Ага, -подумал Семенов, -и от розыска смотать заодно».

– А брат ваш потом объяснялся бы за вас?

– Ну, это же не страшно. Вы же понимаете, что мне бы паспорт не дали, а там все бы выяснилось.

– Конечно, понимаем. —Семенов мысленно перекинул к преступлениям Седых и эту затею с паспортом. Пора было переходить к главному.

– Валерий Игоревич, вас вообще-то сегодня задержали не только за это, но и за убийство охранника на ТЭЦ.

Этот удар он вынес легче.

– Простите, не слышал о таком.

– Это было, когда вы подменяли брата на Главной ТЭЦ.

– Не могу сказать, что я там был.

«Ну, вот сейчас». —подумал Семенов и не ошибся:

– И вообще, мне нужен адвокат.

– Были, были. На видео вы слишком отличаетесь от брата по поведению, да и телефончик ваш засветился на ТЭЦ именно в то время.

– Нет, -закричал Седых, -нет у вас ничего! Что ваши видео? Мы же, мы же одинаковые! Движения подделать можно! А телефонами и обменяться можно! Брат сказал, что я был, я скажу, что брат! Нет у вас доказательств, мусор, мусор один!

Что ж, в чем-то он был прав. Семенов посмотрел на Ермилова, постучал по столу ручкой.

– Допрос остановлен. -Выключил диктофон, -А хорошая идея насчет мусора. Саша, -обратился он к Илонову, телефон начальника команды ТЭЦ у нас есть? Давай сюда.

Он набрал номер:

– Артем Игнатьевич, это следователь Семенов; тут у нас вопрос возник: у вас мусор из караулки куда выносят? Ах, в контейнер. И когда вывозили? Ах, в тот самый день пустой привезли. Отлично. Мы тогда к вам сейчас пришьем кое-кого, покопаясь. Вы пока перекройте там. И вот еще, мы, пожалуй, отпечаточки на постах тоже посмотрим. Есть с чем сравнить. Да, спасибо вам, очень обяжете.

Он отключился и сказал Илонову:

– Ну, давай, мусор ждет. Господин Седых, наверно, не в перчатках обедали-с, да и вообще снимали их иногда. Берите с самого низа, не ошибетесь. Там еще и ДНК его попадется. А раз контейнер в тот же день привезли, то он нам уже не скажет, что это осталось с прошлого раза. И журналы захвати, а потом со станции Шамушева для сравнения возьмем и почерк сравним. Темперамент у них разный, почерк тоже, поди, не очень похож.

Седых молчал, потом, наконец, выдал из себя:

– И почему же я его убил? Вы скажите, а то я не знаю.

– Он работал в полиции. Там, куда вас забрали после ограбления, и всегда говорил, что у него отличная память, и он запоминает всех, кого видел. Как только он увидел вас, он сразу начал вспоминать, где он вас видел, но тогда вы носили бороду, усы, брились налысо, и он вас сразу не узнал. Только ждать вы уже не могли. Прошли к нему на пост ночью и застрелили. Вы отлично знали, что на камерах ничего не видно от снега, и что он будет спать. —Седых уже не походил на прежнего балагура, весь сжался, в глазах было зло, -Мы вообще ждали, что вы скроетесь, как только на звонок вам ответит не брат. Он задержан из-за сходства с вами. Так нужен был загранпаспорт?

– Вы не понимаете, мне уже жизни здесь не было, надоела эта охрана и нищета. Только ехать, -Седых усмехнулся, -должен был не я.

– А кто же?

– Брат мой. А я бы погиб. Знаете, -он расслабился, снова разговорился, -бывает так: возьмешься за провода, и руки сгорают. А брат бы погоревал, перевелся бы на другую ТЭЦ, а потом бы уволился, да и укатил бы за кордон к новой жизни. Да. Случайность.

Илонов посмотрел на Семенова недоуменно, Семенов же вызвал конвойного.

Когда Седых увели и Ермилов ушел, Илонов спросил:

– О чем это он говорил?

– А ты не понял?

– Нет.

– Он Шамушева убить хотел. Такой устроил бы электростул и за себя бы выдал, а сам бы им стал. Розыск бы остановили, и он тогда спокойно мог уехать. По этому самому загранпаспорту.

– Ну, тут, конечно, Соломенко с его памятью совсем ни к чему!

– Вот именно, Саша, гадать ему было никак нельзя. Вспомнил бы, и тогда всему конец!

– А Шамушев-то! Вину на себя брал! Слышал бы он, что брат его про него говорил! Откуда только такие твари берутся?

Семенов сложил материалы в сейф, запер его.

– Может, Саша, Седых именно брата и не хватало. Пойдем, Шамушева выпускать надо.

Часть вторая

Весна

ПАДЕНИЕ С ПАРНАСА

– Ну что, зафиксировали? А то комп пишет и пишет.

– Да, все. -Фотограф отошел в сторону,

– Давайте, откиньте его, только клавишу не трогайте.

Тело откинули назад и осторожно сняли палец убитого с клавиатуры. Весь монитор ноутбука был заполнен буквой «Я».

Семенов посмотрел на это творение:

– Время запишите и сколько страниц напечатано. Ну и что там было до этого самого «Я» тоже зафиксируйте. Сколько текста и сколько «Я». И ноутбук тоже изымите.

Он отошел и осмотрелся – смотреть особо было не на что: комната с минимумом мебели в обычной брежневской двушке. Диван, чтоб спать, стул, чтоб сидеть, да стол для еды и ноутбука. Даже полка не было. Чайник стоял на полу рядом с микроволновкой.

Может и стол со стулом были бы лишними при таком минимализме, но сейчас на стуле за столом сидел убитый – парень лет двадцати с модной прической.

Когда его откинули назад, в груди его стала видна рукоятка кухонного ножа. Ей сразу заинтересовался эксперт, желавший снять отпечатки. Надо было и клавиатуру тоже проверить.

Мать убитого всхлипывала в соседней комнате. Семенов спросил у участкового ее имя-отчество и пошел к ней. Надо было расспросить о многом. Он постоял немного перед дверью, глядя на эту женщину: сорок лет, седина пробивается, фигура поплыла, муж ушел, работает постоянно и все для сына – так сказал участковый -потом вошел и, когда она подняла на него заплаканные глаза, поздоровался:

– Здравствуйте, Юлия Петровна, я следователь Семенов, я буду заниматься убийством вашего сына...

Он еще не договорил, как из комнаты вдруг крикнул эксперт:

– Дима, да он живой!

Старшина из ДПС среагировал быстро – поднес рацию и произнес:

– Серега, Антон, как слышите? Врачей назад быстро с носилками, убитый жив. Тут матери бы и радоваться, но она обхватила Семенова руками и зарыдала.

– Ну что? -поинтересовался Семенов у доктора.

– Не знаю, -доктор пожал плечами и вздохнул, -довезти бы. Пульса почти нет.

– Постарайтесь.

– Ладно, -доктору и так было явно неудобно, что едва не отправил в морг живого пациента.

Нож решили вынуть в больнице.

Итак, убийства не произошло. Было покушение на убийство. Но расследовать это дело все равно надо было Дмитрию Семенову. Мать уже просто пострадавшего поехала в больницу вместе с сыном, так что оставалось только внимательнее осмот-

реть квартиру. Вернулся из управляющей конторы Илонов, новости были неутешительные:

– Камеру над подъездом разбили вчера, сегодня должны будут менять.

– Печально.

– Более чем. Ты вот на это посмотри, -Илонов вынул из кармана прозрачный мешочек, и Семенов увидел в нем маленькие блестящие шарики, – у камеры таких насобирали.

– Ничего себе! Ее что, расстреляли?

– Вот-вот. Колпак из пневмата разнесли. И причем только ее.

– Вот и выходит, Саша, что никакого аффекта тут нет, расчет один. Погоди, а ты там следы не затоптал?

– Нет, там асфальт один, а где не асфальт, там кусты. Так вот. А у вас тут как?

– Пока никак. Нож, протерт, клавиатура в его отпечатках. Немного грязи в коридоре, другие отпечатки есть, конечно, но где их нет? Он молодой, мало ли кто к нему ходил, да и к матери его. Посуда вся вымытая. Слушай, иди-ка с ДПСниками баки прочеши, дворников мобилизуй, а то у тебя чем-то стреляли ... -Семенов участливо посмотрел Илонову в глаза и улыбнулся.

Но этим майским днем в мусорных контейнерах ни дворники, ни полиция оружия не нашли. Квартиру заперли, опечатали, разговор с матерью пострадавшего отложился на другой день.

Оставались только изъятые телефон и ноутбук. Через час с небольшим после возвращения в отдел, на стол Семенову уже лег список сайтов, недавно посещенных пострадавшим, а также писем, которые он отправил и получил в недавнее время и переписку в соцсетях.

Отдельной папкой прибыл список номеров с телефона и СМС за последнюю неделю.

Первую папку взял Илонов, вторую Семенов, но довольно быстро обоим стало ясно, что в целом и там и там одни и те же люди: друзья по институту, одногруппники и еще кое-кто из некоего литобъединения «Признание».

– Ну что, Саша, – Семенов откинулся на стуле, -с институтом все ясно, давай узнавать, что это за объединение такое.

Ссылка вывела на страницу в соцсетях и тут оба следователя с удивлением узнали, что раненый парень был поэтом.

Семенов поднял трубку и набрал номер специалиста по компьютерам; когда тот ответил, сразу спросил:

– А что, никаких стихов в ноутбуке нет?

– Ну, есть, а что?

– Да пострадавший, вроде, поэтом был, вы его на сайтах поэтических не смотрели?

– Так надо же было его контакты искать за неделю, а сайты там все у вас в папочке. А с этого, где он стихи размещал, он удалился. Как раз неделю назад.

– А почему?

– Ну, это уж вы решайте. Вы же следователи. Уж наверно, его не за это убивали.

– Как знать, как знать...

– Ладно, перегоню вам все, подождите немного.

– Ну, давайте, не забудьте только. И восстановите его переписку на странице, откуда он удалился.

А из имевшихся сообщений было видно, что действительно, пострадавший Петр Заманцев был в литобъединении «Признание» еще неделю назад, но удалился сам, о чем и была сделана запись.

Да и само объединение тоже не было старым – всего-то три месяца с небольшим. Однако за это время в нем уже произошло немало событий, например, всего лишь через неделю существования сменился руководитель.

А так все выглядело обычно для подобных страниц: мешанина стихов, мнений, объявления о собраниях, конкурсах...

Были и сожаления об уходе Заманцева. Жалела его Алевтина Томская, огорчавшаяся, что такой интересный поэт ушел, просила она Володю Меркулова уговорить Петю вернуться и извиниться.

– Конфликт, однако. —заклучил Илонов.

– Ой, -махнул рукой Семенов, -кто его знает, что там за конфликт. Действительно, не за стихи же его зарезали. Или, думаешь, там у них дуэль была?

– Ага. Тогда еще и секунданты должны быть.

– Да, -вспомнил Семенов, -а что там написано было на мониторе?

Илонов порылся в листах и прочитал вслух:

– «Дорогая», ну и дальше ты уже знаешь. Это он набрал примерно в 13.20.

– Значит, ничего не прояснилось. Только время.

– А вот, Дим, смотри: он ведь в домашнем, а квартиру не вскрывали, так что выходит, что открыл он сам и тому, кого знал, тем более, что следов взлома нет. А камеру расстреляли, чтоб не опознать было, значит, кто-то из ближнего круга.

– Или кто-то из попадавшихся, чтоб не опознать было. Так что, Саша, есть в твоей логике дыры. А раз есть, то надо смотреть, кто там живет из вышедших недавно. Кстати, может быть, те, кто в камеру стрелял, там же и обокрали кого, просто мы пока не знаем. А с ножом кто-то совершенно посторонний упражнялся. У тебя по каким квартирам данные обхода есть?

– Ага. -Илонов достал блокнот —вот: сорок квартир, открыли в тридцати одной.

– Давай, Саша, звони участковому, пусть проверит оставшиеся девять хотя бы прозвоном, а то потом скажут, что мы тут спим. И список сидельцев местных пусть подготовит. Потом вместе сходим.

– Илонов начал звонить участковому, а Семенов позвонил в больницу. Прогнозы были не лучшие: Заманцев после операции попал в реанимацию, и шансы его были все еще невелики. Мать его уехала домой, и тревожить ее на ночь глядя после такого ужасного дня было бы, может, и слишком жестоко, но работа иногда заставляет поступать вопреки жалости.

Семенов набрал ее номер, но ответила не она.

– Вы чего звоните? —раздался в трубке громкий женский шепот.

– Я следователь Семенов, веду дело о покушении на ее сына, мне надо договориться с ней о встрече.

– Спит она! Еле заснула со снотворным. Завтра утром звоните.

– Простите, а вы кто?

– Соседка.

– А имя-отчество у вас есть?

– Арина Семеновна. Меркулова.

– Арина Семеновна, вы ей хоть записку напишите, что я звонил.

– Хорошо, хорошо. Все, хватит. —Она решительно повесила трубку.

«Меркулова... Интересно, -подумал Семенов, -а она Володе из „Признания“ не родственница?»

Но дел и без этого хватало.

А наутро вопрос встал ребром: квартиру осмотрели, но из-за внезапно ожившего Заманцева толком это сделать не удалось, например, так и не стало понятно, была ли кража. Фото и видео фиксацию сделали, сняли кое-какие следы, но на этом пришлось остановиться. Расспросить полностью мать пострадавшего тоже не удалось, так что, какие были у Заманцева враги и конфликты, тоже осталось пока неясно.

Так что утро началось с того, что Семенов созвонился с матерью Заманцева и договорился прийти к ней, чтобы расспросить обо всем. Илонова же ждал университет, в котором Заманцев учился. За разговором попили чай и разошлись.

Юлия Петровна ждала его, но все эти переживания на ней явно сказались и сон так и не смог помочь ей до конца. Пахло ароматическими свечами. Она проводила Семенова в большую комнату, он отказался от чая и сразу перешел к делу:

– Юлия Петровна, вот вы не могли бы сказать сейчас, не пропало ли чего из квартиры и не появилось ли чего нового?

– Да, конечно, я уже проверила, ничего нового нет, -она взялась за виски двумя руками, видно, голова разболелась, -но вот вещь одна пропала.

Его немного удивило, до чего быстро она ответила, хотя явно была нездорова, и он задал следующий вопрос:

– А вы точно уверены?

– Да, конечно. Мне Володя, сын Арины, помог с утра, как я проснулась. Мы все обшарили, и ее именно нет.

– А что за вещь?

– Ложечки. Подарок на свадьбу матери. Дед был в загранке и купил за недорого, посчитал, что серебро, а это так, нейзильбер. Надписью ошибся.

– А-а. —задумчиво протянул Семенов, -Понятно.

– Да, она кивнула головой, -глупая история. И коробочка была такая красивая, бежевая с надписью золотой на немецком. И табличка «Дочке Юле от папы на свадьбу».

– Хорошо. Мы тогда поищем ее по антикварам и скупкам. А сколько ложек?

– Шесть чайных, шесть столовых.

– Ну что же, хорошо. А не покажете, где она стояла?

– Да, сейчас, -Она привстала, протянула руку, -Вот здесь в буфете, на нижней полке.

– А вот скажите, какие либо враги у вашего сына были? Он рассказывал о конфликтах?

– Да нет, вот только знаете, с неделю назад он какой-то злой пришел, рюкзак бросил, заперся в комнате, и есть ничего не ел.

– А в чем дело, не сказал?

– Нет. Может, с девушкой чего.

– А вы не знаете, у него девушка какая-нибудь есть?

– Нет, не знаю. Вот друг у него – Володя Меркулов – в нашей парадной живет.

«Опять Меркулов, -подумал Семенов, -к чему это вдруг?»

– А они хорошие друзья?

– Да, вот в одном институте учатся, в кружок поэтический ходят, а сам Володя – волонтер. Дружат еще со школы.

– А Петр он что, не волонтер?

– Нет, знаете, у него с его учебной времени нет, ему не так легко все дается, а Володя талантливый, уроки быстро делает, бывает и Петру помогает.

– Значит, Петр с вами о своих проблемах не говорит, но только этот момент неделю назад вы и запомнили.

– Да, а учится он средне, но ровно, я, -она немного смутилась, -поглядываю в тетрадах.

– То есть, с преподавателями он тоже не конфликтует?

– Да.

Ну что ж, похоже, все, что можно было получить из этого разговора, он получил. Семенов собрался, дождал Марию Петровну и проводил ее с сумками до остановки. Надежда на то, что Заманцев сегодня очнется, была небольшая, но все же...

День разгорался, разворачивалась листва, кругом зацветала сирень, и было бы хорошо поехать отдохнуть за город, пока остальные сидят на работе, но что поделывать!

С этими мыслями Семенов вошел в здание отдела. Илонов еще не вернулся, так что пока можно было подумать обо всем, но долго подумать не вышло – едва Семенов передал описание ложек для поиска, как его позвал к себе полковник.

Сразу с порога спросил:

– Ты чего на оперативки не ходишь?

– Да вот, вчера не удалось мать пострадавшего опросить, убитый внезапно ожил и она с ним в больницу уехала.

– Ну, тогда еще ничего, садись. Давай рассказывай.

Семенов ввел шефа в курс дела и тот помолчал немного, а после спросил:

– Ничего тебя не смутило?

– А что?

– Да вот смотри: ложки эти вор взял, а если бы даже и серебряные они были, то какая им цена? А вот перед ним ноутбук стоит, и вор его бросил, да и пошел. А почему? Он что, старый очень?

– Да нет, года два, наверное.

– Вот и выходит, что тут что-то не то. Да и в другой комнате, наверно, что-то еще можно было поискать, а он зарезал парня и побег с этими ложками. А зарезал его не насмерть, но хотел как-бы насмерть. А борьбы никакой нет. Опять нескладуха. И при этом такая подготовка с расстрелом камеры.

– Да, -вспомнил Семенов, -вот тут еще странность, что-то там друг пострадавшего часто мелькать стал. Хотя друг вроде как хороший и вообще парень положительный.

– Бывает. Хотя, что удивительного, если он его друг? Но присмотрись. Все?

– Да. Пока еще Саша в институт его поехал. Ну, еще думаем проверить вышедших недавно. Особенно квартирных.

Полковник задумался здесь надолго, и ответил:

– Необычно это все. Проверь, кто выдавал себя за бытовиков и соседей, и кто сейчас устроился в бытовые службы. Кстати, там газ или электричество? Телефон стационарный есть? Счетчики в квартире стоят? Интернет какой? Множество вопросов.

– Проверим.

– Проверяй. Ладно, -он недовольно махнул рукой, -иди.

Кажется, полковник и сам хотел бы все это проверить, но теперь он сидел в кресле и больше занимался бюрократией. Что ж, у высоких званий есть и недостатки.

В кабинете уже был Илонов, и теперь можно было, наконец, еще разок попить чаю. Размешивая сахар, Семенов перешел к разговору:

– Ну что, Саша, нашел что-нибудь?

– Не, все в шоке, а вот врагов припомнить не могут. Конфликтов тоже каких-то серьезных не было.

– Девушку его не нашел какую-то?

– Нет, видать не определился, мечется еще. Все красавицы.

– Эх, молодежь, молодежь!

– А у тебя что?

– Да вот, ложки оказывается, украли. Подарок к свадьбе. Коробка в буфете стояла бежевая с табличкой золотистой, а сегодня хозяйка смотрит – пусто, нет коробки.

Илонов аж подскочил:

– Это что, я, выходит, напрасно ездил? Обычное ограбление.

– Ну, кто знает. Посмотрим, что из этого вырастет.

Тем временем из лаборатории принесли фотографии с места происшествия и запись с видео фиксацией, так что после чаю следователи занялись подшивкой документов в дело.

Шло все нормально, но вдруг Илонов остановился:

– Дима, бежевая, говоришь, с табличкой золотистой?

– Да, а что?

– Такая? —Илонов протянул фото, на котором на заднем плане в буфете у стенки была хорошо видна бежевая коробка с металлической желтоватой пластинкой.

– Ну ка. —Семенов взял фото в руки, рассмотрел подробней, да, действительно, коробка стояла именно там, где сегодня показала мать Заманцева. -Вот так-так. — Семенов усмехнулся, -И как же это понимать? Знаешь, Саша, а ведь, похоже, что друг пострадавшего в лидеры по подозреваемым выходит. Хотя... Разве что кто-то прихватил эти ложки или сама хозяйка припрятала.

– А зачем?

– Хороший, Саша, вопрос. Вот именно: ей-то это зачем? Друга сына подставить? Знаешь, давай пока не будем ей это показывать, пусть считает, что украли. Ну, или что задумка удалась.

И друзья продолжили собирать дело.

Сегодня был вторник, и в 18.00 должно было состояться заседание литобъединения «Признание». Семенов решил воспользоваться этим, чтобы поговорить со всеми членами объединения и его руководителем. Авось, что-то удастся узнать еще о Заманцеве. Хотя, пожалуй, было бы и лучше расспросить их поодиночке.

Весна все разгоралась, когда Семенов, шел по набережным до здания клуба, где должно было состояться заседание. На входе он предъявил удостоверение и спросил, где будут заседать сегодня поэты.

– На втором этаже должны бы. Там, – охранник указал на лист бумаги у зеркала, -расписание посмотрите.

Семенов поблагодарил его, посмотрел расписание и отправился на второй этаж, но пока аудитория была закрыта и он сел в одно из больших мягких кресел в холле неподалеку.

Вскоре в соседнее кресло, подергав ручку двери той же аудитории, села высокая девушка в клетчатой юбке, берете и джинсовом жакете. На шее ее было надето большое кожаное кольцо со стразом.

Семенов не стал терять время и перешел к разговору:

– Вы на «Признание»?

– Да, а я вас что-то не помню, вы тоже стихи пишете? — Семенов рассмеялся:

– Сейчас нет. Я – следователь, расследую нападение на Заманцева, хочу вот расспросить тех, кто его знал: не было ли у него каких либо врагов, конфликтов?

Она задумалась:

– Нет, не припомню, он хорошие стихи писал, нравилось всем. Мне бы так писать, на каждое заседание новые. Ведь его Тарас Игнатьевич останавливал даже, говорил: «Не торопитесь, Заманцев, отшлифовывайте стихи», а потом то слова показывал как переставить, то какое слово подсказывал на замену и действительно лучше было.

А мне говорил: «Ну что у вас за ахматовщина Аня, эпитонство какое-то! Будьте собой! Да еще из ритма выбиваетесь постоянно, стихи неясно о чем», - Она засмеялась, - А у меня как пишется, так пишется и ничего не поделать!

Этот поток надо было направить в нужное русло

– Погодите, давайте представимся. — он достал удостоверение, - Дмитрий Семенов, следователь.

– Анна Крякина. Это в миру, а в поэзии – Алевтина Томская.

«Вот так вот, -мысленно улыбнулся Семенов, -что делать, если фамилией не вышел? Хотя бы необычную взяла», но вслух он сказал:

– А вы не знаете, почему Петр решил уйти?

– Да там случай вышел дурацкий: после того, как их с Володей на конкурс выдвинули, мы ждали пока Тарас Игнатьевич подойдет, скучно было и Петр начал изображать сперва поэтов разных, Пушкина, Маяковского, а потом взял и Тараса Игнатьевича изобразил, ну как он стихи разбирает.

– И что?

– И тут сам Тарас Игнатьевич и пришел!

– Да-а, Семенов не смог сдержать смех, -неудобно вышло.

– Вот он и ушел. Так еще там так было: Тарас Игнатьевич вот тут стоит и говорит ему, -она порылась в телефоне и зачитала: «Заманцев, вы когда-нибудь слышали: «Мне не смешно, когда фигляр презренный пародией бесчестит Алигьери?»». А Петя и отвечает: «Да, это Сальери Моцарту говорит». Ну, тут Тарас Игнатьевич уже совсем красный такой мимо него прошел. После этого Петя и не ходил.

«Ну что ж, -подумал Семенов, -конфликт налицо. Только не Петр зарезал руководителя объединения. Или сам руководитель не отравил, так хоть зарезал? Неделю ждал? Странно»

Тем временем, подошло еще несколько человек, и наконец, между креслами, звеня ключами, быстро прошел седой сутулый человек в сером пальто и открыл аудиторию. Вот и преставилась отличная возможность поговорить с таинственным Тарасом Игнатьевичем.

Пока он еще не вошел в аудиторию, Семенов окликнул его:

– Тарас Игнатьевич, можно с Вами поговорить? — тот повернулся:

– Да, конечно, а вы стихи принесли?

– Нет, я следователь Семенов, вы слышали, что было нападение на члена вашего объединения?

– Нет, пока не слышал, а на кого именно?

– На Петра Заманцева, он сейчас в больнице, мы проверяем все его связи. Извините, а Ваша фамилия как?

– Заходский. Давайте поговорим не здесь, пойдемте на улицу, все равно я курю перед заседанием минут десять.

– Давайте. -они вышли на теплую вечернюю улицу, руководитель выбил сигарету из пачки, закурил, -Спрашивайте.

– Видите ли, пока мы выявили у него только один конфликт – с вами. Хотя просто непонятно, как он мог к этому преступлению привести, но вы не расскажете своими словами, что там произошло?

– Ничего там не произошло. —Тарас Игнатьевич раздраженно бросил в урну недокуренную сигарету, -Видимо, после подачи заявки, Петр решил, что теперь ему сам черт не брат и решил посмеяться и надо мной, и над тем, что для меня было свято. Если бы он просто спародировал меня, это бы я ему простил, но он решил показать, как я будто бы с презрением разбираю стихотворение Мандельштама «Ленинград». У меня к Мандельштаму отношение святое, я все о нем знаю. Его пародию я повторять не стану.

И сравнение его меня тогда тоже крепко задело. Я ему не Сальери просто потому, что я знаю, что я не поэт, и не пытаюсь поэтом казаться. Я литературовед, и с мнением моим считаются. —он вздохнул и продолжил, -Через дня два я успокоился уже, но он больше не пришел. Заявку на него пришлось снять. А на самом деле я сам же и виноват – вылез со своей фанаберией. И с чего я решил, что только я Пушкина и читал? Вот и вышло, что ученик превзошел учителя, а потом я уж и вовсе нехорошо поступил – сказал охраннику – пусть передаст Петру, что тот здесь не угоден. Извините, я старомодно выражаюсь.

– Ничего, а вот вы говорите все: «конкурс», «заявка», а это что за конкурс?

– А, да, я не заметил, что и не объяснил. В Литературке был объявлен поэтический конкурс с призами от десяти до ста пятидесяти тысяч и отдыхом творческим в санатории. А посылать можно только от литобъединений.

– И вы Заманцева на конкурс направили?

– Не только, еще Меркулова. —«Опять Меркулов, -подумал Семенов, -да что ж такое!», -У него тоже стихи неплохие, хотя какие-то грустные и нежные. Немужские какие-то стихи, даже странно.

– Ну, всяко бывает... -после этих слов Тарас Игнатьевич посмотрел косо:

– Это вы на декаданс намекаете? У него так-то девушка имеется. Просто как-то он так раскрывает все с женской стороны хорошо... Немногие женщины так сумеют. Детские у него тоже часто получаются.

– Да, -согласился Семенов, -талант, наверное.

– Вы знаете, сейчас уже начинать пора, вы не могли бы как-то с этим разобратся побыстрее?

– Может, просто телефоны собрать и вызывать их к нам?

– Давайте. Хотя знаете, случай тяжелый, попробуйте для начала расспросить их здесь.

Они поднялись в аудиторию, Семенов пересчитал молодых поэтов. Кроме Томской, уже знакомой ему, там было еще семь человек.

При его появлении все зашушукались, и сразу стало ясно, что Аня всем все рассказала. Ну что ж, -решил Семенов, -тем легче.

– Итак, -представился он, -я – следователь Семенов, я расследую нападение на Петра Заманцева. Расскажите, когда его видели в последний раз, знаете ли о конфликтах, врагах? Помните – он сейчас в реанимации и вполне может умереть. Сегодня все пришли?

– Нет, -ответила маленькая блондинка, -Володи нет.

– Меркулова?

– Да. —«Да как же так выходит? — снова задумался Семенов, – Опять он!»

– Ну, нет, так нет. Он ведь с Петром учится, так в институте и спросим.

После этих успокоительных слов он и начал разговор с молодыми поэтами.

– Ну что ж, начнем. Я хотел бы поговорить с вами о том, что за человек Петр Заманцев. Пока он в больнице и ничего о себе рассказать не может, а его мама знает его, конечно хорошо, но только по дому. Что было в институте, и вот здесь, неясно. Например, матери было известно, что он был расстроен, а то, что у него тут вышел конфликт, из-за которого он перестал приходить, было неизвестно. И хотя пока что основной версией является случайное столкновение с квартирным вором, но мы работаем и по другим направлениям – прорабатываем все его связи. Ну, вот что вы могли бы рассказать о Петре? Например, видели ли вы его с подозрительными людьми?

В аудитории как-то замолчали, потом все по очереди сказали «Нет». Семенову не показалось, что они врал, так что оставалось перейти к тому, что здесь знали лучше всего – к работе объединения.

– Ну а так вы что можете сказать? О чем он с вами говорил, куда собирался, может, у него планы какие были?

– Были у него планы, -ответил высокий шатен в синей толстовке, -да накрылись из-за приколов его. —На него сразу накинулась маленькая блондинка:

– Ой, да замолчи! Что ты об этом знаешь!

– А чего тут знать? Уже прошел, а тут, как дурак, и полез!

Руководитель постучал по столу и сказал:

– Я сейчас выйду, вернусь потом. Не буяньте тут. —Семенов продолжил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.